

КРИСТИНА
де ВЕДРИН

ДАНИЭЛЬ
ЗАГУРИ
предисловие

МОЗГ

ЖЕРТВЫ

РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
СУДЕБНОГО
ПСИХИАТРА

КАК НАМИ
МАНИПУЛИРУЮТ
МОШЕННИКИ
И ЛЖЕЦЫ

Портрет психопата. Профайлер о серийных убийцах

Кристина де Ведрин

**Мозг жертвы. Как
нами манипулируют
мошенники и лжецы**

«ЭКСМО»

2023

УДК 343.9:616.89

ББК 67.51+56.14

де Ведрин К.

Мозг жертвы. Как нами манипулируют мошенники и лжецы
/ К. де Ведрин — «Эксмо», 2023 — (Портрет психопата.
Профайлер о серийных убийцах)

ISBN 978-5-04-229758-8

«Мы все покалечены. Наш мозг напичкан ложью, впрыснутой под кожу, словно яд». — Кристина де Ведрин «Я подумал: почти десять лет! Должно быть, члены этой семьи — деградировавшие люди со странностями. Но нет! Они абсолютно нормальные». — Даниэль Загури, знаменитый судебный психиатр, автор уникального исследования «Мозг серийного убийцы». Как «абсолютно нормальные» люди, потомки французских аристократов, могли превратиться в психологически раздавленных нищих, отдать мошеннику все: более 5 миллионов евро, родовой замок и собственную волю? Эта книга — шокирующая исповедь Кристины де Ведрин, которая впустила в свой дом Тьерри Тилли — человека, представившегося другом, финансовым гением и спасителем. Десять лет он держал одиннадцать членов ее семьи в невидимой тюрьме, убеждая современных и образованных людей, что они — наследники тайного общества, на которых идет охота. Он соткал искусную паутину лжи, оказавшись в сердце которой, они добровольно отдали ему все. Как такое могло произойти? Ответ на этот вопрос дает Даниэль Загури, выступивший судебным экспертом по этому делу, потрясшим всю Францию. Он не только написал предисловие к этим мемуарам, но и позволил включить в книгу выводы своей официальной экспертизы, в которой он изучил сознание преступника и раскрыл психологические механизмы, заставившие его жертв поверить и сделать невозможное. Это пугающая, реальная история о ментальном рабстве, доказывающая, что в подобной ловушке может оказаться любой из нас. Даниэль Загури — ведущий судебный психиатр Франции, старший эксперт главного Апелляционного суда Парижа. В России продано более 15 000 экземпляров его эссе «Мозг серийного убийцы». Дело Тьерри Тилли — это реальная история о том, как

один человек почти десять лет держал в психологическом рабстве целую аристократическую семью де Ведрин. Представившись тайным агентом, он убедил одиннадцать человек, что на них идет охота, и заставил их полностью разорвать связи с внешним миром. Под предлогом защиты он выманил у них более 5 миллионов евро и родовой замок, доведя семью до нищеты. В 2009 году Кристин де Ведрин, одной из жертв, удалось бежать, что привело к аресту и осуждению Тилли за одно из самых громких дел о ментальном порабощении во Франции. «Даниэль Загури — один из тех, кто способен понять, что скрыто в мрачных пещерах разума убийц». — Pascale Robert-Diard, *Le Monde* «Загури виртуозно раскрывает логику ума убийц». — Elsa Vigoureux, *Le Nouvel Observateur* «...Загури не рисует читателю притягательный, интригующий образ таинственного и хитроумного злодея-мучителя. Он преподносит совсем иной „портрет“, не имеющий ничего общего с романтизированным массовой культурой серийником». — Анна Кулик, судебный эксперт, профайлер «...к Даниэлю Загури обращаются всякий раз, когда преступление потрясает общественное мнение либо своим ужасом, либо потому, что оно разрушает общепринятые представления». — *Le Monde* «Даниэль Загури — психиатр, стоящий за крупнейшими судебными делами, самый авторитетный и востребованный, которого также больше всего боятся. Его профессия: исследовать души, чтобы направлять правосудие». — *Vanity Fair*

УДК 343.9:616.89

ББК 67.51+56.14

ISBN 978-5-04-229758-8

© де Ведрин К., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Примечание французского издателя	7
Предисловие Даниэля Загури	8
Введение	12
Часть первая	14
1	14
2	18
3	20
4	24
5	30
Часть вторая	34
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Кристина де Ведрин, Даниэль
Загури (предисловие)
Мозг жертвы
Как нами манипулируют
мошенники и лжецы**

**Christine de Védrines, Daniel Zagury (préface)
Nous n'étions pas armés**

* * *

© Plon 2023 Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates
© Линник Злата, перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Примечание французского издателя

Эта история приобрела широкую огласку как «Дело затворников из Монфланкена». Кристина де Ведрин была одной из одиннадцати человек, прошедших через все испытания. Настоящий рассказ – это ее личное свидетельство и субъективный взгляд на события.

Подобно рассказу Кристины, предисловие Даниэля Загури представляет собой собственные размышления эксперта, получившего от следственного судьи поручение проанализировать то, что случилось с семьей де Ведрин.

Тринадцатого ноября 2012 года уголовный суд Бордо приговорил Тьерри Тилли и Жака Гонсалеса соответственно к восьми и четырем годам тюремного заключения. Тьерри Тилли – за похищение, незаконное лишение свободы и удержание в заложниках с целью содействия совершению преступления или правонарушения с последующим освобождением пострадавшего в течение семи дней; насильственные действия в отношении уязвимого лица без инвалидности; мошенническое злоупотребление невежеством или слабостью человека, находящегося в психологическом или физическом подчинении в результате давления или принуждения, а также применения техник, изменяющих мировосприятие. Жак Гонсалес – за соучастие в мошенническом злоупотреблении невежеством или слабостью лица, находящегося в состоянии психологического или физического подчинения, возникшего в результате давления или применения техник, способных повлиять на решения, а также по обвинению в сокрытии имущества, полученного в результате преступления. Они подали апелляцию, и 22 апреля 2013 года дело было возвращено на рассмотрение в апелляционный суд Бордо. Ходатайство Жака Гонсалеса было отклонено 10 апреля 2013 года. Суд вынес свое решение 4 июня 2013 года.

Истцами на этих судебных процессах выступили: Филипп де Ведрин, Брижит Мартен, Гислен Маршан, Франсуа Маршан, Гийеметта Маршан-Дельфино, Шарль-Анри де Ведрин, Кристина де Ведрин, Гийом де Ведрин, Амори де Ведрин и Диана де Ведрин.

Тьерри Тилли считался невиновным до тех пор, пока его вина не была установлена окончательным судебным решением.

Предисловие Даниэля Загури

По просьбе следственного судьи я побеседовал с десятью членами семьи де Ведрин, включая Кристину, – на тот период предполагаемыми жертвами Тьерри Тилли. Разумеется, как эксперту мне запрещено выносить какие-либо оценочные суждения, раскрывать подробности личной жизни участников процесса, а также критиковать решения суда. Я уполномочен упоминать только то, что было публично сказано на заседаниях, говорить исключительно о содеянном. К слову, Кристин де Ведрин цитирует в своем повествовании выдержку из моего отчета, представленного в материалах следствия¹.

В основном прибывшие издалека, иногда из-за границы, члены этой семьи так или иначе выражали не только потребность быть понятыми, но и стремление осознать, что же произошло за десять лет жуткого сошествия в преисподнюю. Будучи прежде всего гражданином, а не психиатром, я, как и все, смотрю телевизор, слушаю радио и читаю газеты. Поэтому у меня, безусловно, имелись предубеждения: воображение рисовало облапошенных мошенником представителей вырождающегося аристократического рода, живущих застывшими мифами о былой славе. Мне они казались наивными, не слишком умными. К своему удивлению, я повстречал два поколения мужчин и женщин, довольно сплоченных, несмотря на конфликты и психологические травмы, свойственные любой семье. Я наблюдал разнообразие личностных организаций среди тех, кто приходится друг другу родными или двоюродными братьями и сестрами, родителями и детьми. В то же время именно это единение вокруг фамильной легенды поднимает вопрос о семейном переносе. Но, прежде чем дать определение этому понятию, остановимся на переносе в широком смысле – на явлении, которое сам Фрейд, изобретатель психоанализа, считал весьма загадочным.

Как показывает опыт, во взаимодействии гуру со своими последователями, псевдотерапевта с пациентами или мошенника с жертвами обмана возникает злоупотребление переносом, отклонение от трансферентных отношений, когда одна психика особым образом влияет на другую. Следует подчеркнуть, что Кристина де Ведрин и многие другие пострадали не от чего-то сверхъестественного или магического. Никаких фокусов или ворожбы. Семья де Ведрин не подвергалась гипнозу все эти десять лет. Обычные формулировки здесь странным образом представляются выхолощенными. Речь идет не просто о людях, оказавшихся в чьей-либо власти и ставших объектами ментальных манипуляций, но о жертвах психического порабощения, тоталитарного подчинения, закабаления через отношения, что привело их к утрате личной автономии.

Что следует понимать под злоупотреблением переносом? Зигмунд Фрейд называл перенос сначала препятствием на пути к излечению, а затем главным рычагом для него. Вот какое определение дал этому понятию Франсис Паше² в 1975 году: «Это возрождение желаний, привязанностей и чувств, испытанных по отношению к родителям в раннем детстве и обращенных к новому человеку». Это нормальное явление, которое, однако, усугубляется при психоаналитической терапии. Оно существует в повседневной жизни, например, в отношениях врач – больной или учитель – ученик. Перенос заставляет человека заново пройти начальный

¹ Выдержки из отчета Даниэля Загури опубликованы в данной книге.

² Франсис Паше (1910–1996) – французский психиатр и психоаналитик, внесший значительный вклад в лечение психозов, а также в теорию и лечение клинической депрессии. *Здесь и далее – прим. перев.*

период своего существования, когда выживание зависело от любви матери и отца. Следовательно, перенос отмечен печатью бессознательного, инфантильного и иррационального.

Власть, приобретенную Тьерри Тилли над этими людьми, можно рассматривать как злоупотребление переносом: в семью вторгается некий индивидуум, мгновенно заполняя собой все пространство. Он одновременно посвященный и кооптированный. Согласно формулировке Лакана³, это человек «безоговорочно всеведущий», и в соответствии со всемогуществом, которое ему приписывают, он любыми путями поддерживает данную иллюзию, в том числе устраивает испытания и подавляет недовольство. Важно понимать, что такое всеильное создание становится воплощением еще более мощных сил-покровителей (бога, судьбы, рока). Он не просто человек, но спаситель, провидец. Очень важные персоны или даже международные организации знают все о вашей частной жизни и заботятся о вас, а значит, чтобы продолжить существовать, крайне необходимо быть покорным.

Человек находится в состоянии детской регрессии, подчинения. Так сходят на нет рациональность, логика, интеллект, способность к критическому восприятию и элементарная самостоятельность мышления.

Интеллект никуда не делся, но он заторможен, пребывает в спящем режиме. Это, в частности, объясняет тот факт, что при снятии контроля субъект очень быстро восстанавливает прежние ориентиры и способность критически мыслить. Он всегда знал, что пал жертвой иллюзий и миражей, но это знание было недоступно его сознанию, в тот момент подавленному.

В этом случае преобладающим впечатлением будет завершение длительного периода «за скобками», когда отдельный субъект исчезал. То же самое происходит в отношении идеалов и ценностей. Интенсивность детской регрессии такова, что жена может отречься от мужа, родители подать на детей в суд, отец считать, что не является биологическим родителем собственного ребенка, а дочь обвинять мать в сексуализированном насилии... Какими бы невероятными ни были измышления, все сказанное гуру – провидцем, спасителем – правда. Более того, каждое событие будет подкреплять это предположение, превращая его в убеждение. Заняв главенствующую позицию, тот, кто злоупотребляет семейным переносом, лишает каждого члена семьи его роли и места, подрывая родственные узы. Тогда все становится возможным, поскольку без структурирующих запретов абьюзер волен предаваться комбинаторной игре со всевозможными фантазматическими отношениями. Отныне ничто не вызывает удивления.

Какими бы невероятными ни были измышления, все сказанное гуру – провидцем, спасителем – правда. Более того, каждое событие будет подкреплять это предположение, превращая его в убеждение.

Кристина де Ведрин, как и остальные члены семьи, отметила умение Тьерри Тилли слушать собеседников, давая почувствовать, что он стоит на страже их интересов. В некотором роде он вел себя как «психотерапевт со знаком минус». Кого-то может шокировать сравнение переноса в психоаналитической терапии с контролирующим отношением гуру или мошенника. Говоря о злоупотреблении переносом, мы указываем на одни и те же пружины, но, без всякого сомнения, на диаметрально противоположные цели. Психоаналитическая терапия направлена на то, чтобы вернуть человеку его свободу и самостоятельность мышления. Злоупотребление переносом – на порабощение и эксплуатацию.

Рассмотрим некоторые из этих противоположностей:

- В случае психоаналитической терапии речь идет о регрессе во имя прогресса; при злоупотреблении переносом – о введении кого-либо в состояние регресса с тем, чтобы эффективнее использовать его в своих целях.

³ Жак Лакан (1901–1981) – французский психоаналитик, философ (фрейдист, структуралист, постструктуралист) и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа.

- При психоаналитической терапии целью является движение субъекта к автономии и свободе; при злоупотреблении переносом цель – порабощение.
- В психоаналитическом лечении правило «говорить, а не делать» означает уважение личных границ субъекта. При злоупотреблении переносом происходит постоянная инструментализация близости для усугубления зависимости.
- В ходе терапии личность психоаналитика стерта, она становится экраном для всех проекций клиента. При злоупотреблении переносом, наоборот, наблюдается гиперприсутствие гуру, спасителя, ниспосланного провидением. Речь идет уже не только о проецируемой на него силе: он всемогущ и проникает во все сферы жизни субъекта. Психоаналитическое лечение, основанное на анализе переноса, защищено рамками, правилами, этикой. Злоупотребление же переносом остается скрытым, не анализируется. Это в чистом виде бесстыдная эксплуатация зависимости, установленной в отношениях, без защитных рамок, без внешнего взгляда, без этических правил. Цель – деньги, секс или власть, а иногда и все сразу.

Однако же трагедия де Ведрин не сводится к сумме злоупотреблений отдельными переносами. Бесспорно, мы упустили бы из виду самое главное, если бы не оценили важность семейного переноса. Недостаток этой сплоченной семьи, несомненно, заключался в их единодушной вере в свое высокое происхождение. В 1982 году Альберто Эйгер⁴ определил семейный перенос как нечто, ограниченное регрессивными проявлениями общей семейной психики, когда во внимание принимаются только архаичные примитивные желания и то, что связано с представлениями предков. Он касается тех областей индивидуальной психики, которые вызывают резонанс у всех членов семьи. Несомненно, уловив именно этот недостаток и коллективную часть семейного бессознательного, Тьерри Тилли построил на них большую часть своего могущества. Начиная с этого момента он мог развернуть манипулятивные механизмы по отношению к каждому из де Ведрин в уточненном, «индивидуальном» порядке. В семье, находящейся в осаде посреди враждебного мира, ничего не делалось без его участия и одобрения.

Но предоставим читателю самому разобраться в хитросплетении этих процессов. Ничто не сравнится с уникальным свидетельством, с нюансами, которые позволят сразу, без оглядки на интеллектуализацию, уловить самую суть рассматриваемых явлений. Рассказ Кристины де Ведрин поучителен потому, что в нем много деталей, куда более ценных, чем долгие рассуждения.

Читатель может подумать, что уж с ним-то не может случиться ничего подобного и он точно не поддастся манипуляциям. Возможно. Но, прежде чем окончательно увериться в этом, советуем ознакомиться с показаниями Кристины де Ведрин.

* * *

*В память о моих родителях
В память о моем кузене Бернаре
Посвящается моему мужу и детям
Моей семье
Родственникам моего мужа
Бобби, нашим друзьям и их детям, которые помогли нам и до сих
пор нас поддерживают
Нашим адвокатам*

⁴ Альберто Эйгер – французский психиатр и психоаналитик, президент Международной ассоциации парного и семейного психоанализа, член Парижского психоаналитического общества.

Взгляни на свой вклад в беспорядок, на который жалуешься.
Зигмунд Фрейд

Введение

Сегодня днем в тишине кухни, опустевшей после полуденного звона, я приняла это решение. Мне очевидно, как я к этому пришла, как наконец все осознала. И все же поворотным моментом стал разговор, состоявшийся накануне вечером с Бобби, или Робером Пюже де Сен-Виктором, моим боссом. Что же дальше? Предстояло после стольких лет проявлять инициативу такого масштаба, да еще и действовать в одиночку!

Шарль-Анри встречается меня у дверей. Каждый день он сопровождает меня сюда и забирает вечером. На это есть причины. Привязанность – одна из них, но она не все объясняет... Мы возвращаемся домой. На торговых улицах Оксфорда загораются вывески пабов, шумными стайками проносятся на велосипедах студенты. Какое-то время мы шагаем вдоль старых фахверковых домов, затем пересекаем квартал, где здания с обветшалыми неровными стенами окрашены в розовый и бледно-зеленый цвета. Они уступают место элегантным коттеджам с их крохотными садиками и окнами, выходящими на идеально ухоженные лужайки. Так много картинок из реальной жизни.

Мы идем медленно, потому что я сильно хромаю – у меня болит нога. Прохожие не замечают пару, молча и отрешенно бредущую мимо них. Они не смотрят в нашу сторону, мы зомби. Каждый день уходит около часа, чтобы добраться пешком до работы, и столько же на обратный путь. У нас нет денег на автобус и тем более на машину. Наша зарплата урезана на девяносто процентов.

Коттеджи сменяются небольшими кирпичными зданиями, зелени почти нет. Ранняя английская весна не так уж нежна. Вечер, резкие порывы ветра хлещут нас по лицу, пока мы не достигаем Коули-роуд – обшарпанного бетонного дома. Остается преодолеть шестьдесят ступеней черной лестницы. Затем я брошусь на тахту и закрою глаза. Усталость окончательно одолеет меня, я смертельно захочу спать. Шарль-Анри предложит что-нибудь перекусить и разогреет банку супа.

Но сегодня, как бы измучена я ни была, волнение и нетерпение пульсируют во всем моем теле. Пока я этого не осознаю, но по венам снова течет жизнь. Я не могу ничего рассказать Шарлю-Анри, он ни о чем не должен догадаться. Мы укладываемся спать рано, он сразу засыпает, а я еще долго лежу неподвижно в темноте, ожидая наступления следующего дня. На мгновение встаю и запикиваю в сумку необходимые документы – все, что удалось сохранить. Доказательства. Следы. Моя история. Затем снова ложусь, дрожа от мысли, что Шарль-Анри меня видел или слышал. Но нет, он спит.

Но сегодня, как бы измучена я ни была, волнение и нетерпение пульсируют во всем моем теле. Пока я этого не осознаю, но по венам снова течет жизнь. Я не могу ничего рассказать Шарлю-Анри, он ни о чем не должен догадаться.

В шесть утра я поднимаюсь, принимаю душ и поспешно одеваюсь. Ничто не должно измениться ни в моем поведении, ни в моем наряде: я натягиваю старую блузку, джинсовую юбку, свитер, вытертый на локтях, и туфли на плоской подошве, требующей замены. В любом случае это весь мой гардероб. Мы с Шарлем-Анри снова отправляемся в дорогу, повторяем вчерашний путь в обратном направлении. Он провожает меня до кухни Бобби, а сам принимается за свои обязанности садовника.

Вот бы вести себя так, будто ничего не произошло. Заняться бы, как обычно, чисткой и нарезкой органических овощей. Однако об этом больше не может идти и речи. Бобби выдает наличными мою месячную зарплату. У дверей ждет машина с водителем. Бобби обнимает меня

и желает удачи. Хлопает дверца. Всю дорогу до вокзала Сент-Панкрас я не могу произнести ни слова из-за тревоги. Водитель паркуется, и мы вместе с ним направляемся к набережной.

В нос ударяет вонь бензина, отбросов и пластика, я утопаю в ярком свете, падающем из окна вестибюля. Запах и свет вновь обретенной свободы. Толпа меня подавляет. Кружится голова, кровь стучит в ушах, сердце колотится так, что перехватывает дыхание. Но я иду – к поезду, где меня ждут двоюродная сестра и лучшая подруга. Я возвращаюсь к своей личности, к собственной жизни. Я готова к борьбе. Меня зовут Кристина де Ведрин.

Часть первая

Паук плетет свою паутину

1

Гислен: «Я знаю человека, который, возможно, нам поможет!»

– Ну конечно! Так и думала, что он притащит ее с собой.

Я иду по лужайке, и фраза ударяет меня, словно пощечина. Шарль-Анри, мой муж, стоит немного поодаль, возле машины, которую он только что запер. Через приоткрытую стеклянную дверь гостиной видна фигура Гислен, сестры мужа. Застыв со скрещенными на груди руками, она наблюдает за нами, не подозревая, что я ее вижу и слышу. Понадобилась секунда, чтобы вспомнить о ее неприязни, которая со временем, кажется, только усилилась. Последние несколько лет Гислен демонстрирует мне свою антипатию, но я с детства научилась сдерживать обиду и гнев. Вхожу с улыбкой, будто ничего не случилось. Сидя на диване, нас ждут моя свекровь и Филипп, старший брат Шарля-Анри.

Гислен обустроила Борденев – старый фермерский дом в Ло-и-Гаронне, в трехстах метрах от нашего семейного поместья Мартель и недалеко от Монфланкена. Все было сделано со вкусом, включая просторную гостиную – помещение с мезонином, куда выходили двери других комнат. Мартель достался Шарлю-Анри, младшему в семье, согласно воле его отца, умершего в 1995 году. На территории площадью в полсотни гектаров расположились сельскохозяйственные угодья и лес. Мой свекор, будучи прагматичным человеком, позаботился о том, чтобы поместье осталось в семье. Завещая Мартель Шарлю-Анри, он знал, что у младшего сына есть средства на его содержание. Из этого не следует, что мой муж назначался вождем племени Ведрин. Семейство живет в режиме матриархата: правящей силой является бабушка – ей девяносто девять лет, и она неизменно прислушивается к Гислен, своему «министру». Филипп, старший сын, и Шарль-Анри, самый младший, обожают мать, относятся к ней с бесконечным уважением и рады признавать ее главенство. Что же касается меня, чужеродного элемента, то вот уже двадцать пять лет, с самого дня нашей свадьбы, я изо всех сил стараюсь быть принятой... к сожалению, это стало еще менее достижимым после смерти свекра, а затем, в 1997 году, и Анны, старшей дочери в семье.

В конце лета 2000 года нас собирают на семейный совет. Дело сложное: около пятнадцати лет назад свекровь и ее сестры продали Лаказ – семейный дом, находящийся в этом районе. Однако покупатель, судя по всему, обнаружил скрытые дефекты конструкции, в том числе проблемы с водоснабжением, и подает в суд. Гислен говорит много и громко. У нее полномочия директора школы – вот самая точная ее характеристика. Четыре года назад Дама Сухарь (так Гислен прозвали коллеги в парижской школе секретарей, расположенной на рю де Лилль, в престижном Седьмом округе) столкнулась с непростым вызовом. В той же школе училась дочь моей золовки Гийеметта – без пяти минут обладательница диплома секретаря высшей квалификации. Родители студентов решили провести реорганизацию. В результате Гислен назначили директором. Возможно, она и не обладала достаточной квалификацией, но ей удавалось блестяще справляться со своими обязанностями. Гислен – парадоксальный персонаж. У нее репутация сильной личности. За ужином она с радостью берет на себя инициативу в разговоре и больше не выпускает ее из рук. Эта женщина лезет во все дела домочадцев и

командует ими. Впоследствии Жан, ее муж, скажет: «Гислен – прирожденный лидер, что всегда давало ей ощущение превосходства над родителями и братьями... Думаю, эта ее самонадеянность и позволила Тилли проникнуть в нашу семью... Заполучить Гислен означало для Тилли возможность опутать остальных». И все же! Несмотря на энергичность и готовность свернуть горы, Гислен часто чувствует себя жертвой. Нашей обеспеченной жизни в Бордо она противопоставляет свое непростое существование: непосильная работа, двое детей, муж, которого она называет безработным, что не вполне соответствует действительности. Неприятности никогда не случаются по ее вине. Всегда находится кто-то, кого можно обвинить. Этой лазейкой Тилли и воспользуется с самого начала.

У сестры моего мужа всему есть оправдание. Сначала Гислен потеряла жениха. Затем вышла замуж, но развелась и впала в депрессию. Оправившись, она снова вступила в брак, однако впоследствии ее дети скажут в суде: «Родители переживают непростой период». Это объясняет отсутствие ее супруга на том заседании. Накопившиеся разочарования сделали Гислен унылой. И возможно, успех ее младшего брата Шарля-Анри, а также вид нашей дружной пары усугубляет ее чувство неудовлетворенности. Добавим к этому неприятие самой мысли о том, что я когда-нибудь стану хозяйкой Мартеля.

Мартель – дворянская усадьба XVIII века, отреставрированная прадедом мужа в стиле Виолле-ле-Дюка. Все эти башенки и шпили не особенно в моем вкусе, но мне здесь комфортно. Поместье расположено недалеко от Монфланкена, к северу от Ло-и-Гаронны, менее чем в двух часах езды от Бордо. Оно представляет собой бастиду⁵, каких много на юго-западе. В поселке, раскинувшемся на холмах, проживает около двух тысяч человек. Когда-то здесь были укрепления, и в Нантском эдикте это место упоминается как безопасное для протестантов. Надо сказать, что мы живем в самом сердце реформатской Франции. С отменой Нантского эдикта Мартель утратил крепостные стены, но сохранил прямые улочки, ведущие к центральной площади, окруженной аркадами и большими белокаменными домами. Из дома Черного Принца открывается прекрасный панорамный вид – холмы и равнины уходят за горизонт. Эти края называют Французской Тосканой. Готова согласиться. Я люблю их и особенно Мартель с его полями, рощами и лужайками, которые окружают дом и спускаются к пруду.

Пока мой муж и его брат снова пересказывают историю продажи поместья, я вспоминаю недавнее лето, проведенное в Мартеле. Месяц семейных каникул много значит для меня: я мечтаю, чтобы мои дети познакомились со своими двоюродными братьями и сестрами, которые живут иначе, чем мы в Бордо, и наладили связь друг с другом. Мне бы хотелось, чтобы они были близки с единственной оставшейся у них бабушкой, чтобы у них появились общие воспоминания. Долгое время, пока дети не стали подростками, Мартель был домом счастья. Мы собирались все вместе, по любому поводу устраивали праздники. Бесконечные танцы, беготня, детский смех, велосипеды, купание, пикники и прогулки с друзьями. Лето детства – воспоминания, которые хранишь всю жизнь. Милая пастораль.

С другой стороны, несмотря на хорошие отношения с бабушкой, с тех пор как Шарль-Анри унаследовал Мартель и стал его хозяином, для меня начался сложный период. Не проходило дня, чтобы я не выслушивала скептических замечаний по поводу сделанных мной улучшений, недостаточно хорошего вкуса и плохой организации питания... Что тут скажешь. Семейная критика – вещь достаточно распространенная. Со временем Гислен становилась все жестче. Она жаловалась на гнетущую атмосферу в школе: у нее за спиной шепчутся, плетут интриги. Все происходящее воспринималось ей как постоянная угроза. Даже на их сына Франсуа напали в метро. Гислен бросалась на всех, кроме своей матери.

⁵ Небольшое сельское укрепление или городская сторожевая башня во Франции XII–XIV столетий.

Вместе с тем эта энергичная женщина была полна идей, ей удавалось все, за что бы она ни бралась. Вместе со своим мужем Жаном Гислен организовала в Монфланкене фестиваль «Музыка в Гиени». Профессионалы и любители на две недели поселялись у местных жителей и объединялись, чтобы сочинить парочку произведений, которые затем исполнялись в Монфланкене, в местных церквях или концертных залах. Это было очаровательно. Деревня пробуждалась, наполняясь радостным оживлением, повсюду слышались музыка и пение. Собиралась целая толпа. Гислен могла по праву гордиться сделанной работой.

Но сегодня вечером нас занимает дело Лаказа, и мы чувствуем себя слегка беспомощными. Филипп – вышедший на пенсию менеджер компании Shell, Шарль-Анри – акушер-гинеколог. Юристов среди нас нет. У наших семей есть девиз: лучше плохая договоренность, чем хороший судебный процесс.

Начинает Гислен:

– Я знаю человека, который, возможно, нам поможет!

Она переглядывается с Филиппом и бабушкой. Я перехватываю этот взгляд, и у меня создается впечатление, что им известно что-то, чего не знаем мы. Как уточняет Гислен, это друг мэтра Винсента Давида, адвоката с улицы Монтень в Париже, ее делового партнера по школе:

– Кстати, именно он познакомил меня с этим человеком, когда у меня были проблемы, и это знакомство оказалось на удивление полезным! Откровенно говоря, у него связи в самых высоких кругах, он очень умен...

Подумав, Филипп добавляет:

– Это прекрасный человек, он окончил Сен-Сир⁶ и выполняет какую-то миссию в ООН. Полагаю, что он имеет отношение к спецслужбам, но предпочитает не распространяться на эту тему. К тому же, похоже, он разбирается в законах, так как владеет несколькими управляющими компаниями...

В разговор вмешивается бабушка:

– Ну да, чудесная мысль! Этот человек хорошо воспитан и во многом разбирается. Он произвел на меня отличное впечатление, когда был у нас...

Мы с Шарлем-Анри озадачены: все трое знают этого субъекта, его приглашали сюда, но мы никогда о нем не слышали. Это закрытый человек – вот и все объяснение. Бабушка и Филипп, по-прежнему расположившись на диване, с самым безмятежным видом предупреждают все наши вопросы.

– Да, – спокойно подтверждает Филипп. – Его зовут Тьерри Тилли. Но полагаю, это неполное имя. Его род очень древний...

Для семьи Ведрин военный с хорошей родословной, прекрасно воспитанный, отрекомендованный знакомым адвокатом, подходит для решения подобных проблем. Гислен вскакивает с места, сгорая от нетерпения взять дело в свои руки: «Я звоню ему прямо сейчас!» Она снимает трубку и набирает номер по памяти. Подсознательно я отмечаю эту деталь: должно быть, она с ним на короткой ноге и часто звонит ему, если знает номер наизусть! Тьерри Тилли немедленно отвечает, и Гислен передает телефон Шарлю-Анри, который объясняет ему суть дела. Разговор продолжается достаточно долго. Муж внимательно слушает собеседника. Несколько раз я слышу, как он говорит:

– А, так вы в курсе!.. Очень кстати!.. Да? Хорошо. Очень хорошо.

Шарль-Анри разъединяет вызов; судя по всему, он убежден, что Тилли – прекрасный переговорщик и сумеет повлиять на решение по нашему вопросу, заручившись поддержкой на

⁶ Высшее учебное заведение во Франции, где готовят офицерские кадры для армии и жандармерии.

самом высоком уровне, а значит, беспокоиться не о чем. По его просьбе Тилли будет держать нас в курсе.

На обратном пути я спрашиваю Шарля-Анри, какое впечатление произвел на него этот Тилли. Оказывается, тот прекрасно осведомлен: в частности, он напомнил мужу, что в 1995 году его включение в список Алена Жюппе⁷ в муниципалитете Бордо вызвало сопротивление со стороны некоторых членов «внутреннего круга». Поскольку эта должность не была избираемой, дело быстро замяли. Тилли также намекнул на то, что в этом районе некоторые люди завидуют семье Ведрин, и такие нападки – угроза судебного разбирательства по делу Лаказа – хотя и не представляют особой опасности, все же служат ярким тому подтверждением. Нужно поостеречься. Хотя эти объяснения были достаточно туманными, Шарль-Анри не удосужился узнать подробности. Скоро мы увидим, к чему это приведет. Если этот Тилли сумеет помочь семье, к чему отказываться? Шарль-Анри перегружен работой и не горит желанием бегать по юристам и вникать в документы по делу, которое гроша ломаного не стоит.

Хотя эти объяснения были достаточно туманными, Шарль-Анри не удосужился узнать подробности. Скоро мы увидим, к чему это приведет. Если этот Тилли сумеет помочь семье, к чему отказываться?

Мне интересно: почему Тилли заинтересовался нашим делом? Он очень занятой человек и никакой выгоды не имеет. По версии Шарля-Анри, Тилли поддерживает контакты с бывшими участниками Сопротивления по всей Европе благодаря своим миссиям, которые он выполнял для ООН. Во время войны, пока ее муж находился в плену в Померании, моя свекровь жила в Мартеле – одна с двумя старшими детьми. Подобно остальным, она находилась на самообеспечении, питалась продуктами из поместья и помогала жителям деревни. Ей приходилось следить за хозяйством, заботиться о свекрови, слабослышащем девере и двух мальшах. Поведение этой женщины в годы войны было во всех отношениях достойно похвалы. В округе она пользовалась всеобщим уважением. Могла ли свекровь тайно принимать участие в Сопротивлении? Об этом она никогда не распространялась, но Шарль-Анри делает эти выводы, основываясь на высказываниях Тилли. Подтверждением становится и загадочная фраза, которую бабушка в последнее время часто повторяет с легкой улыбкой: «Я унесу свои секреты с собой!» Похоже, Тилли поручено поддерживать таких малоизвестных храбрецов, оказавшихся в трудной ситуации. Представители высших кругов признают мужество, проявленное матерью Шарля-Анри, и это заставляет его еще больше ею гордиться. Любовь и уважение, которые он питает к матери, лишь усиливают эту убежденность. Глубже он не копает. И потом, Филипп и Гислен, судя по всему, абсолютно уверены в Тилли – лишний довод не сомневаться в этом человеке. В Бордо мы возвращаемся, окончательно успокоившись.

⁷ Ален Жюппе (р. 1945) – французский правоцентристский политик, сторонник жестких экономических реформ.

2

«Наконец наши семьи встретились»

Мы с Шарлем-Анри познакомились в 1969 году, столкнувшись у дома моей подруги, к которой я шла на день рождения. Никогда не забуду, как передо мной возник смуглый юноша с голубыми глазами, чрезвычайно забавный. Помню, как властно сунула ему в руки торт, чтобы позвонить в дверной звонок. Вошли мы вместе.

Это не было любовью с первого взгляда, скорее, планомерной осадой. Мне вот-вот должно было исполниться двадцать. Последние пару лет я встречалась с молодым человеком, от которого, по правде сказать, тогда немного отдалилась. Мое знакомство с Шарлем-Анри ускорило разрыв. Он учился на втором курсе медицинского факультета, я – на филологическом. В тот вечер мы немного поболтали, и ничего особенного не произошло. Затем мы снова встретились. У нас были общие друзья, и нередко появлялась возможность где-то пересечься. Мы оказывались на одних и тех же вечеринках, а затем стали ходить туда вместе. Он пригласил меня в кино, мы обнаружили, что наши вкусы совпадают – обоим интересовали лекции о путешествиях и философии. Постепенно я поняла, что он мне действительно нравится. У него было хорошее чувство юмора, и в то же время он серьезно относился к учебе, своему будущему и жизни в целом. У нас было одинаковое мировосприятие.

Брак был обязательным условием счастливой жизни. Я видела себя любящей женой любимого мужчины, матерью и состоявшимся профессионалом, и довольно быстро Шарль-Анри в моих глазах превратился именно в такого человека – в будущего отца моих детей, главу семьи. Он двигался в том же направлении. Мы нашли друг друга.

Члены семьи де Ведрин жили в Бордо, у них была собственность в Монфланкене. Отец, инженер-агроном, служил в Министерстве сельского хозяйства и управлял фамильным имением. Сестра Анна и брат Филипп были старше Шарля-Анри – оба родились до войны. Шарль и Гислен появились на свет позже, в 1946 и 1948 годах. Де Ведрин в шутку называли старших довоенной парой, а младших – послевоенной. Их дальние предки, землевладельцы-протестанты, были родом из Оверни, а в этом регионе они обосновались более четырехсот лет назад. Мне не пришлось рассказывать родителям о семье моего избранника. Наши матери знали друг друга с тех пор, как моя, будучи намного моложе, поселилась в Ло-и-Гаронне. Обе прекрасно знали, кто есть кто в обеих семьях. Все выглядело идеально: одинаковый уровень образования, схожий образ мыслей, равное происхождение. Но когда наши отношения стали действительно серьезными – примерно через полтора года, – камнем преткновения оказался религиозный вопрос. Ведрины были протестантами, а мы католиками. Это огорчало моих родителей. Они не были ни фанатиками, ни фундаменталистами, но соблюдали обряды католической церкви. Их объединяло общее убеждение: мы должны пожениться в соответствии с нашей религией. Брак – очень непростое дело, и, если мы расходимся во мнениях по поводу веры, это в конечном итоге создаст немало проблем. Особенно в том, что касается воспитания детей.

Первое время мама была крайне обеспокоена ситуацией. Наше различие порождало бесконечные споры – у меня с родителями и между нами двоими. Я впервые видела, чтобы мои близкие настолько расходились во мнениях. Несмотря на все, что мама думала о протестантизме, она желала мне счастья, отец же оставался непримиримым. К счастью, двоюродный брат – священник и директор семинарии в Бордо – умел сглаживать углы.

Наконец наши семьи встретились. Матери прекрасноладили, а вот отцу оказалось труднее с моим будущим свекром. Вдобавок к разным вероисповеданиям, они еще и обла-

дали совершенно несхожими характерами. Протестанты, как правило, лояльнее относятся к смешанным бракам, и родные мужа переживали гораздо меньше, чем мои. С другой стороны, воспитание наших будущих детей оставалось непростым вопросом. Мы все больше спорили с Шарлем-Анри, наши позиции становились все жестче, а двери хлопали все чаще. Мысль о разрыве настолько внедрилась в наше сознание, что однажды весной мы расстались, снова воссоединившись только в конце лета.

Помню, как тяжело переживала это время: впервые я причиняла реальную боль родителям. Однако, противостоя им, я доказывала, сколь сильна моя любовь к жениху. Именно это в конечном счете заставило их уступить. Возможно, поверить в серьезность наших намерений помогло и то, что мы планировали пожениться по окончании учебы, когда у нас появится заработок, позволяющий обрести независимость. На это им нечего было возразить. Все тщательно взвесив, они благословили наш союз. Шарль-Анри очень естественно влился в нашу семью.

3

«Мы никогда не задавались вопросом о скрытых разногласиях»

Мы обвенчались в 1975 году в департаменте Ло-и-Гаронны – в маленькой романской часовне, расположенной рядом с владениями моей бабушки по материнской линии. Экуменический брак, заключенный пресвитером и пастором. Тогда церковь попросила меня подписать документ, в котором я обязалась приложить все усилия для воспитания наших детей в католических традициях. Мы же дали им основы обоих учений, чтобы они могли сделать свой выбор позже. Зная, что у Шарля-Анри учеба продлится дольше, я получила диплом специалиста по документообороту, чтобы поскорее начать зарабатывать. После свадьбы мы поселились в небольшом доме, арендованном родителями мужа. Шарль-Анри учился экстерном в медицинском, я работала в центре Бордо – специалистом по документации в Институте управления бизнесом. Я искала информацию для студентов и научных сотрудников, и работа мне очень нравилась.

Дом я обставила мебелью, купленной на сбережения, сделанные до свадьбы. И вот мы, будучи еще, по сути, студентами, стали молодоженами. Наша жизнь не сильно отличалась от прежней: мы виделись с друзьями, гуляли, проводили выходные на море или в сельской местности. Короче говоря, были счастливы, беззаботны и очень активны.

Шарлю-Анри нужно было закончить учебу и начать специализироваться в области акушерства и гинекологии, поэтому в 1977-м, в год рождения нашего старшего сына Гийома, он принял решение поехать в Тунис. Там мы прожили два года: четыре месяца в Бизерте и двадцать месяцев в Бедже, на северо-западе страны. Изгнание давалось мне нелегко, особенно поначалу. Только представьте: молодая женщина двадцати семи лет, с новорожденным ребенком на руках, почти ничего не знающая о стране, живет в скудно обставленной квартире в центре небольшого городка и предоставлена сама себе в течение целого дня. Шарль-Анри уходил утром и возвращался вечером очень уставшим. Изредка я встречалась с семьями иностранных служащих – немцев, поляков, чехов, итальянцев, – и в большинстве случаев их жены работали. В моей памяти сохранились затяжные периоды одиночества: с местными я тоже не общалась, за исключением Сами, тунисского начальника Шарля-Анри, и Гаэтаны, его жены. Для досуга и культурного времяпрепровождения в Бедже не было абсолютно ничего.

Радовало, что Шарль-Анри был в восторге от работы и прекрасно ладил с персоналом больницы. Он пользовался уважением и подружился со своим начальником, получившим образование в одном из лучших парижских университетов.

Я привыкла к насыщенной общественной жизни и бесконечно скучала по друзьям и родным. Однако в итоге мне удалось превратить одиночество в преимущество, изменив приоритеты и поставив на первое место ребенка и свое саморазвитие. Таким образом, я стала меньше зависеть от других и взяла себя в руки. Я много размышляла, научилась находить ценных людей в новой для меня среде немцев, чехов, поляков. В итальянской общине женщины обладали очень теплыми «мамиными» качествами. Они принимали меня с любовью, угощали, давали советы. Немки, будучи замечательными хозяйками, научили меня обустраивать быт. Также я постепенно вошла во французское сообщество. Эти связи оказались весьма прочными, и мы дружим по сей день. Наконец, я открыла для себя доброту тунисцев: по отношению к малышу Гийому и ко мне самой. Помню, как почти ежедневно ходила на рынок и однажды утром увидела в одной из лавок юбку. Она мне очень понравилась, но примерить ее было негде. Продавщица, не задавая лишних вопросов, сказала:

– Я тебя знаю, ты жена врача. Так что бери юбку, примеришь дома. Если вещь тебе приглянется, заплатишь за нее завтра, а нет, так вернешь.

Мне нравился этот мир, где можно быть щедрым и доверять незнакомому человеку. Это вызвало в моей душе глубокий отклик. Я ни разу не столкнулась со злостью или подлостью, даже представить себе такого не могла. Людям, которые мне встречались, подобное было несвойственно. Более того, они поощряли меня к такому же поведению. У нас бывали гости: на несколько дней приезжали родители Шарля-Анри, следом мои родители, затем моя сестра и другие родственники.

По возвращении в Бордо, безусловно, будучи счастлива оказаться в привычном мире, я ни капли не пожалела о своем пребывании в Тунисе. Шарль-Анри начал брать подмены и стал лучше зарабатывать, мы смогли занять денег и купить небольшой дом.

В 1980 году родился Амори, а в 1985-м – Диана. Шарль-Анри решил объединиться с коллегой, которого очень ценил. Этот сложный и интересный человек стал для мужа настоящим другом, и мы были в восторге от их совместного проекта. Август Шарль-Анри намеревался провести в Бордо. Поскольку рождение Дианы ожидалось в сентябре, я отправилась на Кипр, в деревню Пила. У моих родителей там была своя квартира, выходящая на набережную. Я должна была вскоре вернуться в Бордо, но однажды в конце дня – помню, я любовалась закатом, – позвонил крайне потрясенный Шарль-Анри: его друг, которого он заменял во время отпуска, скоропостижно скончался. Я поспешила домой, чтобы поддержать мужа, после чего напрямик отправилась в клинику, где на несколько недель раньше срока родила Диану. Малышка стала отдушиной для Шарля-Анри, который был рад, что у нас появилась дочь.

Помню те дни, когда счастье от того, что после двух мальчишек у нас появилась девочка, резко контрастировало с горем и разочарованием мужа, который потерял друга и должен был заново выстраивать свое профессиональное будущее. Шарль-Анри не экспансивен, он сдержан, а за его кажущейся авторитарностью скрывается природная застенчивость. В те дни я впервые подумала, что он более ранимый, чем хочет казаться окружающим. Утрата дружбы и остановка проекта причиняли ему боль и так сильно печалили его, что я задавалась вопросом: создан ли мой муж для того, чтобы двигаться по жизни в одиночку? Работа в тандеме с другом означала для него больше, чем обмен мнениями и взаимную поддержку. Больше, чем обычное деловое партнерство. И скоро всего этого ему будет остро не хватать. Возможно, я была единственной, кто знал об этой его слабости, поскольку Шарль-Анри являл собой противоположную картину – уверенного в себе человека, умеющего противостоять испытаниям. Я поклялась себе, что всегда буду рядом с ним.

В конце концов мой муж открыл кабинет на пару с другим партнером. Мы больше не нуждались в моей зарплате, и я оставила работу в качестве специалиста по документации, выйдя в длительный неоплачиваемый отпуск, чтобы заботиться о детях и родителях.

Мне не нравится слово «успех» применительно к материальной стороне жизни. В то же время мы действительно достигли того уровня, когда все стало проще. Мы купили в Кодеране, приятном районе Бордо, прелестный старинный белостенный дом с садом. Окна смотрели прямо на Бордоский парк, самую большую зеленую зону в городе. Когда мы там поселились, я была уверена, что это место станет нашим семейным гнездышком. Домом, где вырастут дети и появятся на свет внуки. С этой мыслью я заботливо обустроила его. Мне хотелось создать обстановку, в которой каждый был бы счастлив, где у каждого имелся бы свой уголок, где мы встречали бы каждый день с радостью. Наконец-то у меня появилось ощущение: вот он, дом мечты!

Мои родители часто у нас гостили. Мама была исключительным человеком. В 1977 году, пока мы жили в Тунисе, она заболела раком, но, проявив достойное восхищения мужество, выиграла битву. Все еще проходя курс химиотерапии, она не хотела откладывать свой визит.

Поэтому Шарль-Анри взял на себя ответственность за ее лечение. Наша квартира, климат – все это абсолютно не подходило для мамы, такой измученной. Но ее состояние менялось к лучшему; она была счастлива видеть Гийома и проводить время со мной. И, что уж скрывать, ее приезд был самым радостным событием на протяжении всего нашего пребывания в Тунисе.

Болезнь подкосила ее после нашего переезда в Кодеран. Мне было тридцать восемь лет, и я обожала свою мать. Она была для меня примером, дала мне столько же сил и энергии, сколько любви. Ее смерть стала моим первым настоящим горем. Мне оставалось единственное утешение: я видела ее с внуками в этом доме, уверенную в моем будущем. Отец, который отличался сдержанным характером, переживал боль внутри себя. То, что со стороны могло сойти за безразличие, было не чем иным, как невыносимым страданием. Без моей матери он потерял интерес к жизни, все больше отстраняясь от мира. Я окружила его заботой, старалась, чтобы он как можно чаще бывал у нас. Заболев, он не раз повторял, что предпочел бы поселиться в доме престарелых. Мне этого очень не хотелось, но отец настаивал. Мы договорились, что он съездит туда ненадолго, максимум на месяц, чтобы присмотреться, а потом решим, как быть дальше. Отец поступил в выбранное мной учреждение, которое показалось мне вполне сносным. Спустя несколько месяцев он умер. Просто позволил себе это сделать, чтобы воссоединиться с любимой женой через два года после ее ухода. В сорок один год я ощутила сиротство в полном смысле этого слова. Поэтому я постаралась сблизиться со старшей сестрой Франсуазой. Из-за разницы в возрасте я иногда чувствовала, что по отношению ко мне она берет на себя роль матери. Благодаря возможности общаться более открыто и безоговорочно доверять друг другу наша привязанность росла. Мы часто созванивались. Летом сестра приезжала в Пилу, или же мы встречались в Ло-и-Гаронне, где у нее был дом.

Родители мужа обедали у нас каждое воскресенье. Мне хотелось, чтобы они видели внуков как можно чаще. Для меня большая семья являла собой средоточие привязанностей, защиту от любых жизненных невзгод, источник счастья. Особенно после смерти мамы и отца. Возможно, с моей стороны это было наивностью, но я не отдавала себе отчета в том, что это сближение, устроенное искренне и без задней мысли, может оскорбить моих родственников. Несомненно, родители мужа уделяли мне повышенное внимание. Позже, в эпоху Тилли, Гислен заявит: «Ты украла у меня мою мать, Тьерри мне ее вернул...»

В 1992 году мой свекор передал Мартель Шарлю-Анри, хотя старшим в семье был Филипп. С самого детства у того были сложные отношения с отцом. На три года их разлучила война – пока мой свекор содержался в лагере для военнопленных в Померании. С учетом напряженной семейной обстановки этот поступок особенно разочаровал Филиппа, ощутившего острую горечь. Но, поскольку проявлять агрессию не в его характере, он сумел подавить чувства, а когда мой деверь смог выкупить Талад, исконное владение рода Ведрин, расположенное недалеко от Мартеля, привязанность, которую он вскоре испытал к этому дому, затмила все его сожаления. Однако так могли сказать о себе далеко не все. Мы с мужем действительно не замечали этой обиженности. Прежде всего потому, что семья собиралась только на праздники и летом, а в присутствии Шарля-Анри атмосфера менялась. Когда в 1995 году отец мужа скончался, я, конечно же, старалась поддержать свекровь. Если предоставлялась возможность, мы вместе с моими подругами водили ее в музей, кино или на лекции. Она всегда с радостью откликалась на эти приглашения. Подругам тоже было приятно ее общество. И потом, мы часто собирались в Мартеле – на него свекровь также имела права, – поскольку она не любила оставаться там одна.

После смерти родителей я погрузилась в дела – пытаюсь отвлечься от горя, а также из-за унаследованной от матери любви к общению и коллективной деятельности. Каждый четверг мы с подругами устраивали обеды. Я состояла в ассоциации «Бордо приветствует», призванной помогать вновь прибывшим, знакомить их с городом и его населением. Я посещала кружок

чтения – просто обожаю книги – и активно участвовала в жизни школы, куда ходили мои дети, являясь председателем родительского комитета. Короче говоря, продолжала бежать сразу во всех направлениях, что, вероятно, было большой ошибкой.

Шарль-Анри тоже с головой окунулся в работу. Он вел акушерскую практику в самой крупной клинике Аквитании, и книга записи к нему на прием всегда была переполнена. Также он занимался делами профсоюза, уходил на рассвете и возвращался поздно вечером. Я взяла на себя быт и часто оставалась одна с детьми. Муж проводил с нами свободное время, но его было очень немного. И все же мы были счастливой парой и понимали друг друга. Шарль-Анри полагался на меня во всем, что не было связано с его профессиональной жизнью, и его доверие вызывало у меня гордость. По сути дела, мы походили на все благополучные семьи, где супруг занимается избранным делом, отдавая ему все силы, а жена с удовольствием хлопочет по хозяйству. В общем, классика. Но не слишком ли мы были перегружены? Не упускали ли возможность поразмышлять о себе, о том, чего нам хочется на самом деле? Мы никогда не задавались вопросом о скрытых разногласиях, существовавших внутри семьи. Тем не менее каждое лето они проявлялись все сильнее, а мы не обращали на это внимания...

4

Тилли: «Нет ли заговора, зависти, ревности и агрессии?»

Зачем востребованному врачу из Бордо, чей график забит до предела, тратить время на то, чтобы мчаться в Париж и тратить два драгоценных часа на субъекта, о котором он почти ничего не знает? Этот вопрос заслуживает того, чтобы его задать, потому что именно так между Тьерри Тилли и моим мужем установилась прочнейшая связь, длившаяся почти десять лет и чуть не уничтожившая нас.

В конце 2000 года, через несколько месяцев после их первого контакта по делу Лаказа, у Шарля-Анри и Тилли состоялось несколько телефонных разговоров. Кратких, но достаточно убедительных, чтобы по первому зову муж запрыгнул в скоростной поезд и примчался в столицу. На вокзале Монпарнас в конце платформы его ждал молодой худощавый мужчина в маленьких очках, выглядевший чрезвычайно солидным и уравновешенным. Тилли сразу подошел к Шарлю-Анри; он узнал его, хотя ни разу не видел. Неужели почувствовал, что невысокий человек, ищущий кого-то взглядом, и есть Шарль-Анри де Ведрин? Может, вспомнил фотографии, которые видел в доме Гислен? Пройдясь вдоль вокзала и обменявшись вежливыми банальностями, они зашли погреться в одно из кафе, расположенных на площади 18 Июня.

Тилли садится против света, лицом к собеседнику, и невзначай наблюдает за ним. С самого начала между ними – пятидесятидвухлетним Шарлем-Анри и тридцативосьмилетним Тилли – устанавливаются отношения на равных. Тилли довольно скрытен в том, что касается его деятельности: избегает имен, географических названий и событий, к которым он, кажется, причастен, проявляет осторожность и дает понять, что не уполномочен рассказать больше. С другой стороны, он прекрасно осведомлен о жизни в Бордо и о работе Шарля-Анри, о его особой ответственности. Мой муж отвечает на вопросы, раскрывает все больше подробностей своей жизни, радуясь, что его внимательно слушают. Постепенно их беседа становится доверительной. Два человека одинакового интеллектуального уровня и общественного положения говорят на одном языке. О чем именно? О работе Шарля-Анри, о его повседневной практике, об объеме клиентской базы, о том, как трудно поддерживать баланс между семейной и профессиональной жизнью. Тилли на своем опыте знает, каково это, когда не хватает времени наблюдать, как растут твои дети. У него их двое, и видится он с ними крайне редко. «У нас обоих немало насущных обязанностей, но, к счастью, мы женаты». Насколько ему известно, у Шарля-Анри есть супруга, на которую можно опереться.

Эта преамбула, имевшая место в кафе, словно пузырь, существующий вне пространства и времени. Шарль-Анри встречается с человеком, о котором очень мало знает и который обладает редким талантом слушать. Сам того не желая и, очевидно, не осознавая этого, мой муж оказывается в роли пациента, пришедшего на консультацию к психотерапевту. Вроде бы сомнительное сравнение. Тем не менее он легко раскрывает перед собеседником душу. Когда тебе внимают, это придает уверенности. Шарль-Анри ничего не подозревает: если бы его в тот день посетило чувство тревоги, он бы пожал плечами или поднял глаза к небу, возможно, даже с раздражением.

Ненавязчиво, очень тонко, Тилли выспрашивает о нашем образе жизни, каникулах в Пиле, большом доме в Бордо и постоянных заботах о Мартеле, недвижимости и землях, полученных мужем в наследство от отца, – чтобы модернизировать их, пришлось немало потрудиться. Разговор заходит о проблемах с продажей особняка, принадлежавшего бабушке и ее сестрам, а также о трудностях, которые преодолевает Гислен. Собеседник внимательно слу-

шает Шарля-Анри, а потом задает вопрос. Впрочем, был ли это вопрос? Скорее замечание, затрагивающее тему... Нет, не заговора, но зависти, ревности и даже агрессии, которые у кого-то может вызвать такая семья, как Ведрины, – состоятельная, аристократическая, уважаемая.

Когда они расстаются, чувствует ли Шарль-Анри, что у него появился друг? Человек, готовый подставить плечо в трудную минуту? В поезде, везущем его назад в Бордо, он взволнованно размышляет над словами нового знакомого.

Исторически в подсознании каждого протестанта живет решимость вступить в бой, готовая включиться в любой момент. Это результат всех пережитых преследований, всех войн, всех проигранных и выигранных сражений. Еще каких-то двадцать лет назад Шарлю-Анри пришлось выстоять в борьбе за право жениться на любимой женщине. Есть и еще кое-что, более сокровенное. Вслед за своим отцом Шарль-Анри не устает повторять, что он землевладелец. Самое дорогое, что заключено в их сердцах, – это поля, леса, стены Мартеля, нежный холмистый пейзаж, запахи перегноя и сена, которые вдыхаешь ранним утром. И за это они тоже будут биться, как и их предки. У них всегда было ощущение принадлежности к скромному и гордому меньшинству: протестантским аристократам-землевладельцам. Ведрины – это семья или, может, клан? Находясь в Бордо, мы никогда бы об этом не задумывались. Другое дело – в Мартеле. Иногда мой муж испытывает нечто вроде «синдрома осажденной крепости». Чтобы пробудить это чувство, незнакомцу пришлось лишь умело его расшевелить. На тот момент этот человек все еще оставался загадочной фигурой, но сама эта загадка являла собой смутный соблазн, укрывшийся от Шарля-Анри. Он лечит тело, помогает появляться на свет новым жизням, но недостаточно интересуется душой и семейной психологией.

Иногда мой муж испытывает нечто вроде «синдрома осажденной крепости». Чтобы пробудить это чувство, незнакомцу пришлось лишь умело его расшевелить.

Вернувшись домой тем же вечером, Шарль-Анри рассказывает мне о прошедшей встрече, подчеркивая интеллект и обаяние этой прекрасной и активной личности. Он делится своими впечатлениями: похоже, наша семья подвергается вероломному нападению. Но благодаря этому человеку мы больше не одиноки в своих невзгодах.

Затем Шарль-Анри обращается к теме, судя по всему, затронутой в их беседе: к нашим финансовым вложениям. Он предлагает проследить, чем занят мой поверенный: по имеющейся у Тилли информации, мы могли бы намного лучше распорядиться капиталом. Все под контролем, он ведет дела «как настоящий глава семейства»: по большей части это страхование жизни и казначейские векселя. И тут я поражаюсь тому, как разговор, изначально посвященный способам защитить интересы семьи Ведрин, переходит на управление нашими деньгами, в частности моими. Но Шарля-Анри занимает другое: чего стоят наши консультанты?

– Ты все еще доверяешь им? – спрашивает он. – У тебя никогда не возникало сомнений на их счет?

Прекрасно помню тот вечер. Мы в нашей спальне, которую я обставила как можно уютнее: купила две прикроватные лампы, излучающие свет, комфортный для чтения в постели и в то же время достаточно мягкий, чтобы создать атмосферу безмятежности и покоя. Мне нравится эта комната, она олицетворяет тихую мирную жизнь. Однако именно в тот самый момент у меня возникает смутное чувство, что Шарль-Анри впускает в окно хаос. Это продолжается какую-то долю секунды, но неприятное ощущение засядет занозой в моей памяти. Теперь, по прошествии более десяти лет с того вечера, я пишу эти строки и понимаю, что оно никуда не делось.

На предложение Тилли я реагирую, как и любой другой на моем месте: разве не стоит разузнать об этом человеке, прежде чем принимать какое-либо решение? У мужа есть связи

в политическом мире Бордо, достаточно лишь позвонить. Какую-то информацию легко получить в справочной службе. Но Шарль-Анри не слышит меня. Он не спорит, не требует, чтобы я действовала тем или иным образом, – просто соглашается: да, ничего не мешает нам навести справки, если это меня успокоит или доставит мне удовольствие. Но вопрос остается открытым. Наверное, потому что уже поздно. Он устал, и завтра его ждет тяжелый день. Вероятно, Шарль убежден, что я готова подчиниться. Не знаю. Больше ни разу не зайдет речь о том, чтобы получить какие-либо сведения о Тилли. Я могла бы сделать это сама, но пустила все на самотек. Видимо, хотела, чтобы делом занялся муж. Чтобы инициатива исходила от него.

Жизнь шла своим чередом: дети, ассоциация, разнообразные дела, Шарль-Анри, его клинтура, собрания профсоюза врачей, друзья...

А две недели спустя Шарль-Анри снова встретился с Тьерри Тилли в Париже. На этот раз о бабушкиной проблеме никто и не вспомнил – все внимание было направлено на мои инвестиции. Похоже, источники, информировавшие нового друга моего мужа, справились с поставленной задачей: вложения под угрозой, а банковский консультант, годами занимавшийся этим вопросом, все же не так компетентен, как я думала. Ничего из этого не было сказано прямо, все лишь подразумевалось...

Тем же вечером Шарль-Анри ужинал у сестры в Фонтене-су-Буа. И конечно, разговор вращался вокруг недавней встречи. Гислен довершила дело, откровенно поведав о роли Тьерри в ее жизни за прошедшие два года. Так как Дама Сухарь вела дела из рук вон плохо, Тьерри вмешался и помог ей. Об этом Гислен рассказала в шуточной форме: мол, у него своя клининговая фирма. Вот так с подачи мэтра Винсента Давида этот человек вошел в жизнь Гислен. Летом он везде навел порядок – у Дамы Сухарь буквально открылось второе дыхание. Затем Тьерри, разбирающийся в компьютерах, помог ей выгодно обновить все оборудование. Надо признать, что с тех пор в школе дела пошли на лад. Настолько, что Гислен приняла его на работу, сделав своим заместителем. Она могла доверить ему любой вопрос, требовавший решения, он со всем справлялся. Проще говоря, он стал НЕ-ЗА-МЕ-НИ-МЫМ!

Шарль-Анри слышит только то, что хочет услышать. Поэтому его не удивляет, когда агент спецслужб – неважно, бывший или действующий, выполнявший миссии при ООН, возглавляющий несколько корпораций, – соглашается стать подчиненным его сестры! И посвятить ей значительную часть своего времени! Но это всего лишь временное устранение неполадок, одна из его многочисленных миссий!

– К тому же, – резюмирует Гислен, – Тьерри умнейший человек, у него такая интуиция, такое чутье! Я знаю его сто лет.

Она без колебаний советуется с ним по любому поводу. Они беседуют каждый день и обедают вместе несколько раз в неделю. Разумеется, она рассказала ему о семье, о своей жизни, о братьях и сестре, умершей от опухоли головного мозга, а также в деталях о Шарле-Анри и его «драгоценной» жене... Она даже посвятила его в подробности нашего с мужем знакомства и пребывания в Тунисе, упомянула о кончине друга-компаньона, описала дом в Кодеране и квартиру в Пиле. Гислен выложила ему все о моих родственниках, в том числе о дедушке-промышленнике... Она пригласила его в Ло-и-Гаронну, познакомила с Филиппом и бабушкой, которым он сразу понравился. Подобное сближение могло бы навести на мысль о банальной любовной интрижке, но все обстояло иначе. Тилли познакомил Гислен со своей женой Джессикой – красивой элегантной женщиной – и дочерью Наташей.

По словам Гислен, Тьерри просто предлагает решения, и, главное, ему можно верить во всем!

По словам Гислен, Тьерри просто предлагает решения, и, главное, ему можно верить во всем!

– Вот увидишь, – убеждает она, – если ты ему доверишься, то получишь в тысячу раз больше того, что имеешь! Пройди первые девять шагов, он сделает десятый. Шарль-Анри уже убедился в этом. Брат гордится тем, что знает людей и может разобраться в любой ситуации, – этот талант просто необходим хорошему акушеру, – так вот, у него есть чувство, что между ним и Тилли течет позитивная энергия.

Как того требует его профессия и в соответствии со своим характером, мой муж осторожен и прагматичен. Несмотря на это, он постепенно проникается доверием к новому знакомому и не замечает перекося в отношениях благодаря хамелеонскому дару Тьерри Тилли.

Сразу по приезде в Бордо Шарль-Анри всерьез берется за меня и вновь заговаривает о наших вкладах. На этот раз он возвращается из Парижа восторженным, возбужденным и каким-то наивным. По его словам, мы должны отказаться от услуг управляющего активами. Только Тилли и его компания Presswell способны эффективно защитить наши капиталовложения.

Муж в этом убежден и, судя по всему, на сто процентов. Я же остаюсь скептиком и уговариваю его задуматься. Повторяю, что нужно собрать информацию об этом человеке и его компании. Шарль-Анри по-прежнему меня не слышит и даже сегодня с трудом вспоминает те мои предостережения.

Тон нашего разговора повышается, но совсем чуть-чуть; мы не привыкли яростно противостоять друг другу. С другой стороны, воцаряется какая-то нервозность, зарождается тревога по поводу завтрашнего дня, которую дети так или иначе чувствуют, хоть и не подают вида.

В выходные в Мартеле остальные члены семьи Ведрин, каждый по-своему, вступают в дело, убежденные и убеждающие, не слушая и не слыша того, что говорят другие.

Идиллический портрет Тьерри Тилли, который постоянно рисуют Гислен и ее сын Франсуа, обретает все новые краски за счет уверенности бабушки, Шарля-Анри, Филиппа и его спутницы жизни Брижит. Я пытаюсь привнести нюансы, которые никто не слышит или не хочет слышать... Чувствую себя изгоем перед лицом сплоченного братства, которое не исключает меня окончательно, но в то же время не считает своей. Бабушка позволила Тилли «окурить себя фимиамом». Она полностью утратила способность критически мыслить, размягчилась, уступив ему место главы семьи. Ловушка захлопнулась!..

Ежедневный обмен мнениями между «призраком» Тилли и Гислен теперь определяет нашу повседневную жизнь. Я стараюсь не поддаваться романтическим и в какой-то мере параноидальным порывам сестры мужа, которые постепенно заражают остальных. Однако, отрезанная от всех своих друзей и близких, я в конечном итоге сдаюсь, чтобы еще больше не усложнять ситуацию.

Столкнувшись с таким радикальным и непривычным отношением, я ломаюсь. Уступаю во всем, даже не спрашивая у своего банка, как обстоят дела с этой компанией Presswell, которой я выписываю чеки на довольно крупные суммы. С тяжелым сердцем ставлю подпись, чувствуя, что совершаю огромную глупость. Но перевешивает главный аргумент – привязанность моей семьи бесценна. Теперь есть два мира: внешний и мы, замкнутые в себе, поддерживающие друг дружку. Тилли говорил: «Мы все в одной лодке, и я ее капитан».

Итак, я вверила свои финансы совершенно незнакомому человеку. По правде говоря, мы уже виделись с ним дважды, но никакой ясности в отношении этого человека у меня не появилось. В мае, еще до того, как муж встретился с ним впервые, я провела три дня в Париже с моей Дианой, которой в то время исполнилось пятнадцать. Мы остановились у Гислен в Фонтене-су-Буа, в большом доме, утопавшем в зелени. К обеду прибыл Франсуа, а вместе с ним какой-то мужчина. Незнакомец был значительно старше сына Гислен и выглядел слегка безумно в

кедах, мешковатых шортах и выцветшей толстовке. Невысокого роста, чуть сутулый, со светлыми спутанными волосами – внешность, как говорится, никакая. Гислен не представила его, лишь коротко бросила, что он светило технических наук и помогает сыну готовиться к сдаче дипломной работы. Гость вяло пожал мне руку. Он произвел на меня отталкивающее впечатление, я даже удивилась, как это золотка позволяет Франсуа общаться с таким типом. Это и был Тилли. Вспоминая ту встречу, я до сих пор не могу понять, почему Гислен не произнесла его имени. Я ее никогда об этом не спрашивала, но убеждена, что он приказал ей не делать этого по каким-то своим причинам.

Не устаю повторять, что Тьерри Тилли просто повезло. Именно так и никак иначе. Когда он приехал в Бордо, чтобы положить в карман наши первые чеки, сопоставь я его личность с человеком, которого встретила в Фонтене-су-Буа, ничего бы не случилось.

Затем в июле следующего года, когда фестиваль «Музыка в Гиени» был в самом разгаре, Гислен прибыла в Мартель в сопровождении элегантной пары. Он – худощавый блондин в маленьких очках, самая обыкновенная располагающая внешность. Она – высокая брюнетка со спортивной фигурой. Не представив мне своих гостей, Гислен провела их по всему дому, комната за комнатой, явно наслаждаясь экскурсией. Дом был полон друзей и родственников, мое внимание было перегружено. Я не обратила на это внимания, не узнав в блондине преподавателя технических наук, встреченного в Фонтене.

В Бордо за чеками приехал уже совсем другой человек: энергичный бизнесмен, спортивный и подтянутый. Маленькие очки, волосы аккуратно зачесаны набок – представительная внешность идеального зятя с хорошо подвешенным языком, помимо всего прочего демонстрирующего впечатляющую уверенность в себе. Его рукопожатие, от которого едва не расплющивались фаланги пальцев, было мне неприятно, так как недвусмысленно намекало на стремление к власти. Новая версия этого персонажа оказалась для меня ненамного убедительнее предыдущих.

Его рукопожатие, от которого едва не расплющивались фаланги пальцев, было мне неприятно, так как недвусмысленно намекало на стремление к власти. Новая версия этого персонажа оказалась для меня ненамного убедительнее предыдущих.

На первый взгляд Тьерри изо всех сил старался развеять мои опасения: все регистрируется в налоговом центре, он удостоверяет подписью получение чеков компанией Presswell. Но я продолжаю беспокоиться и говорю ему:

– До сих пор я передавала свои средства организациям, имеющим офисы в городе, в то время как о вашей компании мне ничего не известно. Если с вами что-нибудь случится, я не представляю, куда обращаться, чтобы узнать, где мои деньги и как их вернуть! Мне нужна более подробная информация, чтобы удостовериться в вашей надежности.

Тилли обиженно вскидывает голову, принимая оскорбленный и сердитый вид. Устремив на меня ледяной взгляд, он выдерживает театральную паузу, а затем отрывисто произносит:

– Послушайте, Кристина, давайте не будем дискутировать о таких вещах. Либо вы доверяете, либо нет. Все, с кем я сотрудничаю, не задают вопросов, они мне верят! Я не приемлю, когда мои слова ставят под сомнение, это вопрос репутации!

Шарль-Анри, словно уже находясь под наркозом, не реагирует, и я отступаю. Непростительная глупость!

Странное дело, с тех пор как мы познакомились с Тьерри Тилли и он стал втираться в доверие к нашей семье, началась черная полоса. Я стараюсь верить, что это просто совпадение. Одновременно нам демонстрировались конкретные факты, подтверждавшие и укреплявшие ложь Тилли о заговоре, объектом которого мы якобы являлись. Все начинается с серии авто-

угонов. У каждого из нас есть машина, и каждый не единожды становится жертвой угонщиков. Затем мой автомобиль сразу после техосмотра загорается на платной дороге в Марманде, когда Шарль-Анри едет на нем в Монфланкен. Следующим летом на ферме гибнут две коровы – событие небывалое. По словам ветеринара, они проглотили колючую проволоку – он и сам удивлен этим фактом. Затем прямо из ангара крадут трейлер и семена. Я обращаюсь в жандармерию. И, словно хеппи-энд в этой мрачной серии несчастий, через восемь дней трейлер обнаруживается, как и предсказывал Тилли. На мой фермерский счет зачисляется возмещение убытков за украденные семена, без какого-либо вмешательства с нашей стороны. Шарль-Анри, который с начала года постоянно на связи с Тьерри, сообщает ему о наших горестях. Тот дает ему все более и более детальные объяснения, утверждая, что семья Ведрин под прицелом. Нет, он пока не может точно сказать, кто стоит за этими махинациями. Упоминает масонов: «Мы знаем, что их много на Юго-Западе...» И не только их. К слову, его службы проводят соответствующие расследования. Потом мы узнаем, что Тилли был исключен из масонской ложи за многочисленные злоупотребления. Возмещение за кражу семян? Да, он вмешался, ведь это действительно тяжело – испытать столько бед сразу!

Более того, когда наша собственность – две трети земель – оказывается под угрозой разорения из-за проекта по строительству искусственного озера, он говорит, что контролирует ситуацию, и заверяет: проект свернут. Действительно, несколько месяцев спустя от идеи, породившей в наших краях ожесточенное сопротивление, откажутся. Столкнувшись с целой чередой подобных инцидентов, кто-то посетует на несчастливую судьбу или стечение обстоятельств. Члены семьи Ведрин видят в этом коварные происки, причину которых им объясняет Тьерри Тилли. Это может показаться смешным и глупым, но случайность, играя на руку злу, становится мощным орудием. И если кто-то, кому вы доверяете, не только не сомневается в ваших опасениях, но и, наоборот, подтверждает их, то все, что было лишь предположением, превращается в уверенность. Уверенность, которая делает людей, ранее склонных доверять ближним – в данном случае нас, – крайне подозрительными ко всему, что приходит извне. Все, не имеющее отношения к нашей семье, встречается с опаской. Соответственно мое окружение нуждается в подстраховке, чтобы быть уверенным, что я не перешла в «клан врага».

Это может показаться смешным и глупым, но случайность, играя на руку злу, становится мощным орудием. И если кто-то, кому вы доверяете, не только не сомневается в ваших опасениях, но и, наоборот, подтверждает их, то все, что было лишь предположением, превращается в уверенность.

Я люблю мужа, а он принадлежит к семье Ведрин. В то время для меня этого было достаточно, чтобы с готовностью принять все что угодно, лишь бы он продолжал меня любить, а его близкие – считать своей. Я говорила ему, как сильно обеспокоена отношением его родственников. Однако стоит мне продемонстрировать озабоченность, как я сталкиваюсь с отчужденностью. Вскоре Тилли сообщает Шарлю-Анри, что я страдаю депрессией и, чтобы вернуть спокойствие, мне нужно принимать транксен. Вследствие такой терапии мои реакции ослабевают, и вскоре я от всего отстраняюсь. Меня постоянно мучит вопрос: что же породило это отчаянное желание быть любимой и принятой? Эту слабость, которая неизменно приводила к тому, что я уступала навязанным действиям или решениям, даже если они противоречили моим интересам? Я могла долго сражаться, но обычно все заканчивалось моим согласием.

5

«По философии мой выбор пал на тему „Любовь и страсть“»

Когда меня просят описать детство, на ум сразу приходят три слова: счастье, любовь, одиночество.

Мои родители познакомились в Ло-и-Гаронне во время войны. Отец, демобилизованный после 1940 года, вернулся к своей профессии страхового инспектора и работал в этом районе. Мать уединенно жила в семейном имении вместе с моей сестрой Франсуазой. Когда родители поженились, отцу было сорок лет. Осколок снаряда сделал его глухим на одно ухо. Это был привлекательный светловолосый мужчина с серо-голубыми глазами. Британской внешностью и юмором он очень напоминал свою мать-англичанку. Человеком он был сдержанным, не только из-за проблем со слухом, но и благодаря темпераменту. Немногословный и несветский, он много читал и предпочитал проводить время в кругу семьи. Мама, наоборот, была экстравертом – веселой, живой и очень сердечной. Они жили сплоченно и дружно. Мой дед по отцовской линии был колониальным управляющим в Африке и умер в сорокалетнем возрасте, вероятно, от малярии. Таким образом, папа рано осиротел и возмужал. Возможно, вследствие этого одиночества он был очень привязан к своей семье и ее истории. Помню его многочисленные рассказы о нашем предке, который был гильотинирован во время революции и покоем в братской могиле на кладбище Пикпю.

У отца были собственные убеждения и представления о правоте, но он сумел приспособиться к своему времени и оставался открытым для других; это проявилось в его работе страхового инспектора, где он приобрел репутацию честного и гуманного человека.

Когда я родилась, сестре было шестнадцать. Разница в возрасте никогда не мешала нашим близким отношениям, но, по сути, я росла так, словно была единственной дочерью. Мне всегда недоставало более многочисленной семьи. В раннем возрасте я ждала возвращения Франсуазы с работы. Мне ужасно нравилось наблюдать, как она собирается на вечернюю встречу с друзьями. Я восхищалась ее красотой. Когда она как-то незаметно обрела самостоятельность и уехала из дома, чтобы поселиться вместе с двоюродной сестрой, в доме образовалась пустота. Видимо, именно тогда я впервые почувствовала себя покинутой. Мне было семь лет.

Бабушка и дедушка по материнской линии жили в Бордо, на той же улице, что и мы. Дед был совладельцем семейной региональной компании, основанной в 1783 году и работавшей в металлургическом секторе. Квартира, в которой поселились мои родители, располагалась прямо над офисом.

Работая страховым инспектором, отец с понедельника по пятницу колесил по всему Юго-Западу. Видимо, поэтому он иногда упоминал о несчастных случаях или драмах, с которыми сталкивался. А может, потому что всегда передвигался на машине? Оставшись вдвоем с мамой, я дрожала при мысли о том, что отец может попасть в аварию. В течение недели во мне нарастало смутное беспокойство. Папино возвращение приносило счастье. Как только я подросла, родители начали брать меня на воскресные прогулки. Они были без ума от кино и очень рано начали показывать мне фильмы, наподобие «Бен-Гура» или «Михаила Строгова». Мне было лет восемь или девять. До сих пор помню, как на смородиновых занавесках моей детской, словно на экране, мчались колесницы римлян, скакали монголы в погоне за Строговым, а я звала маму! Эти кошмары долго преследовали меня.

Должно быть, в детстве я отличалась сверхчувствительностью: весь учебный год в третьем классе наша учительница мадемуазель Шарлотта наводила на меня ужас. Полагаю, она специально старалась выглядеть суровой, а я ужасно страдала из-за этого. По ночам видела ее во сне и каждое утро шла в школу как на каторгу. Мама предложила перевестись, но я отказалась. Мне казалось важным противостоять своей преследовательнице и одолеть ее. К июню я уже не боялась – ну, почти не боялась – мадемуазель Шарлотту, но тот год провела как в аду.

Дед заходил к нам почти каждый день по дороге в офис, пока однажды утром его не сразил инсульт. Сотрудники, не зная, как правильно поступить, перенесли его в нашу квартиру, где он и провел более полугода парализованным. Бабушка регулярно его навещала. Мама все это время заботилась о своем отце, а я чувствовала себя брошенной, абсолютно не понимая, почему дедушка не уходит вместе с бабулей. В конце концов он вернулся к себе домой и вскоре умер.

Даже оставшись одна, я не хотела покидать дом. Отказалась вступать в отряд девочек-скаутов. Мысль о том, чтобы поехать в лагерь – летом и на Пасху – и бросить маму, пугала меня. Я предпочитала проводить дни рядом с ней или уединившись в своей комнате за чтением. «Великолепная пятерка»⁸ и «Путевые знаки»⁹ буквально пленили меня, а став постарше, я переключилась на английские романы... Мы обожали чтение. Отец любил историческую литературу о войне, биографии политиков или личностей, которыми он восхищался: королей Франции, Черчилля, де Голля... Он регулярно читал *Le Figaro* и *Sud-Ouest*¹⁰, разгадывал кроссворды, прежде изучив книжные подборки и решив, что купить для себя, мамы и меня. Она взахлеб читала романы и биографии, в основном женские. Семья представляла собой уютный кокон, где я могла найти все, что мне было нужно: любовь, пищу для ума, культуру. Чего ради выбираться наружу?

Семья представляла собой уютный кокон, где я могла найти все, что мне было нужно: любовь, пищу для ума, культуру. Чего ради выбираться наружу?

Разумеется, становясь старше, я менялась... в тринадцать лет я повстречала Мари-Элен. Противоположности сходятся. Она поступила в мою школу в начале года и еще ни с кем не успела познакомиться: ее семья приехала из Алжира, где у них были виноградники. Между нами сразу пробежала искра: одна шатенка – другая брюнетка, одна застенчивая – другая смелая, одна замкнутая – другая общительная, одна тихая – другая очень громкая, одна улыбочивая – другая хохотушка... Мы были созданы для того, чтобы поладить. Сейчас, пятьдесят лет спустя, она по-прежнему моя лучшая подруга, и она одна из тех, кто спас мне жизнь.

С появлением Мари-Элен все изменилось: мы проводили время у нее или у меня. Ее родители, вся многочисленная семья – настоящее племя – были, как и Мари-Элен, безумно щедрыми, шумными и веселыми. Дружба преобразила меня. Благодаря ей из застенчивой маленькой девочки я превратилась в девочку-подростка, которая играла в школьной волейбольной команде, любила рок, моду и бесконечные разговоры обо всем сразу и ни о чем, но, пожалуй, больше всего о парнях. Девичьи разговоры, они такие! Также я узнала, что у моей подруги есть младший брат с синдромом Дауна. До этого я и не подозревала о таком явлении, как инвалидность. Мари-Элен и ее семья вызывали мое восхищение, научив меня принимать людей с ограниченными возможностями.

На летние каникулы мы всегда ездили сначала в Геранд к тете, а затем к моим бабушке и дедушке, у которых были владения в Лауньяке, недалеко от Ажена. Это очаровательное место

⁸ Серия детективов для детей английской писательницы Энид Блайтон (1897–1968).

⁹ *Signe de Piste* («Путевые знаки») – один из самых успешных и долгоживущих литературных проектов XX века, запущенный французским издательством «Альзасия Пари» в 1937 году. В этой серии выходили приключенческие книги для юношества.

¹⁰ *Sud-Ouest* – вторая по тиражу региональная ежедневная газета Франции.

с аллеей столетних лип – их аромат навсегда запечатлелся в моей памяти. Ребенком я бегала повсюду со своими двоюродными братьями и сестрами. Мы сооружали хижины, купались в реке, наблюдали за уборкой пшеницы и сбором слив, а затем, в конце лета, за сбором шаслы¹¹. Мама не представляла себе, как можно сидеть без дела. Достигнув подросткового возраста, прежде просто зритель, я стала «сезонным сельскохозяйственным работником»: до сих пор у меня в носу стоит запах сливы, которую мы тогда собирали. Урожай раскладывали на решетки, плоды постепенно вялились, а мы переворачивали их один за другим, а затем упаковывали готовую продукцию и отправлялись торговать на местный рынок. Это меня безумно веселило. Конечно, я немного играла в торговку черносливом, но выполняла свои обязанности очень ответственно. Далее следовал сбор шаслы – гроздь нужно было аккуратно срезать и выложить на специальную бумагу. Никогда не забуду, как пальцы пахли виноградным соком и какие они были сладкие... Позже я даже ухаживала за стадом овец! Когда Шарль-Анри унаследовал Мартель – в общих чертах похожие владения, – все было мне знакомо, и я без колебаний взяла на себя управление фермой.

С пятнадцати или шестнадцати лет я начала ходить на вечеринки, танцевать под Procol Harum и Shadows¹², флиртовать, слушать Франсуазу Арди¹³, носить блузки от Cacharel и балетки с мини-юбками или джинсами: трудно было найти более нормальных, взлелеянных, неиспорченных девушек, чем я и мои подруги. Самой сложной проблемой было: что надеть в субботу вечером, какой мальчик посмотрел или не посмотрел и позвонит ли он, чтобы пригласить в кино? После смерти тети мы перестали проводить летние месяцы в Геранде и сняли дом в Понтайяке, где я целыми днями каталась на лодке. Затем лето проходило в виде лингвистических каникул. Однажды я поехала в Ирландию по обмену с ровесницей. Это было счастливое беззаботное время. Именно в те годы один из ведущих обозревателей газеты «Монд» Пьер Вианссон-Понте опубликовал свою знаменитую статью «Франция скучает», а вот мне не было скучно ни минуты!

Будучи старательной ученицей, я прилично сдала выпускные экзамены. По философии мой выбор пал на тему: «Любовь и страсть». Что может быть интереснее для восемнадцатилетней девушки? Сейчас даже не вспомню, о чем писала, а тогда перо едва поспевало за мыслью, и я достаточно углубилась в проблему, чтобы правильно подобрать и расположить все цитаты.

Помню события мая 1968 года, о которых без конца трубило телевидение, и демонстрации в Бордо. Наш колледж на время закрылся, и мы меняли мир по-своему, то есть очень благоразумно. Дома почти не обсуждали те события. Думаю, студенты вмешиваются не в свое дело. Я же всегда была покладистой. Мама говорила: «Ты ворчишь, сердисься, но всегда слушаешься!» К тому же дома никогда не случалось настоящих конфликтов. Мне даже не хватало ссор с братьями или сестрами, с кем-то достаточно близким для подобных вещей! Думаю, что, так и не научившись справляться с разногласиями, я предпочитаю их избегать. Это может показаться парадоксальным, учитывая мою вспыльчивость, но мое противодействие всегда было чисто внешним. Я хотела стать юристом и поступить в Национальную юридическую академию, но папа решил, что мне нужно окончить филологический и выйти замуж! Итак, я получила диплом бакалавра гуманитарных наук и английского языка. К моему удивлению, на филологическом факультете события мая 1968 года еще будоражили умы, и сначала я чувствовала себя не в своей тарелке, но постепенно жизнь пошла своим чередом...

¹¹ Сорт винограда.

¹² Британские рок-группы.

¹³ Франсуаза Арди (1944–2024) – французская певица и актриса, одна из символов французской поп-культуры.

Думаю, что, так и не научившись справляться с разногласиями, я предпочитаю их избегать. Это может показаться парадоксальным, учитывая мою вспыльчивость, но мое противодействие всегда было чисто внешним.

В восемнадцать лет, незадолго до поступления в колледж, я уехала на лето в Бристоль, нанявшись помощницей по хозяйству. Я заботилась о двух малышах и параллельно занималась английским. Мы прониклись такой симпатией друг к другу, что позже вся семья приехала на мою свадьбу. По возвращении я приступила к учебе, а в начале следующего года познакомилась с Шарлем-Анри.

Часть вторая Захват

6

«Адский механизм запущен, и мы втягиваем в происходящее своих детей»

Первый осязаемый удар Тилли нанес нашей семье в ноябре 2000 года, когда он разыграл абсолютно фантастический спектакль в Борденев, втором доме Гислен и ее мужа Жана Маршана. Действующие лица: Гислен, Жан, бабушка, Филипп и Шарль-Анри. Прекрасным осенним днем муж работал у себя в кабинете, когда позвонила Гислен:

– Я ужасно волнуюсь. Жан в глубокой депрессии и рискует впасть в декомпенсацию! Он в Бордо. К счастью, мама и Филипп с ним. Они делают все, чтобы помешать ему выйти и совершить какую-нибудь глупость! Ему просто необходимо лечь в больницу и пройти курс лечения.

– Все настолько серьезно? Ты уверена в этом?

– Да, обязательно нужно найти психиатра.

Не успел муж положить трубку, как ему снова позвонили: это был Тилли!

– Шарль-Анри, это чрезвычайно важно, – настаивал он. – Необходим психиатр! Гислен нуждается в вас. Она боится, что Жан совершит непоправимое! Мы на вас рассчитываем.

Крайне обеспокоенный, Шарль-Анри звонит другу-психиатру, который соглашается немедленно приехать в Бордо. Сам он тоже покидает кабинет, чтобы присоединиться к коллеге. Однако Жан весьма тяжело перенесет как попытку удержать его силой, так и вторжение братьев с невесткой. Запертый в своей комнате, он откажется от их помощи. К сожалению, в тот день Тилли найдет способ уладить первые разногласия между зятями. Также ему удастся переломить ситуацию в семье и бесповоротно привлечь на свою сторону моего мужа и Филиппа.

Чуть позже мне звонит двоюродный брат, чья дочь посещает занятия Дамы Сухарь. Он встревожен: похоже, школа испытывает финансовые трудности, персоналу грозит увольнение, а отопление собираются отключить. Я ничего об этом не знаю, и мне нечем его успокоить. В тот же вечер рассказываю обо всем Шарлю-Анри. В ответ он сообщает, что они с бабушкой выписали довольно крупные чеки, чтобы помочь Гислен. Но оба уверены, что это разовая поддержка...

Примерно в то же время Тьерри Тилли подталкивает нас учредить две фирмы по сделкам с недвижимостью и подключить к этому бизнесу детей. То же самое он проделывает с Филиппом, его спутницей Брижит, бабушкой и Гислен. Гийом, наш старший сын, оканчивает колледж в Марселе, где ведет обеспеченную беззаботную студенческую жизнь двадцатидвухлетнего юноши. В августе предыдущего года Гийом уже встречался с Тилли на обеде у Гислен и Жана Маршана в Борденев. Сын вернулся под впечатлением от глубины познаний Тилли о смарт-картах – в них Гийом научился разбираться, работая в компании Gemplus, их ведущем производителе. Для сына этот визит не сулит ничего интересного, но, когда Шарль-Анри звонит ему и просит приехать на выходные в Бордо, чтобы обсудить «важные вещи, о которых он не может говорить по телефону», Гийом тут же соглашается. Фактически речь идет о подписании документов для учреждения общества по управлению недвижимостью¹⁴ вместе с Амори и

¹⁴ Société Civile Immobilière (SCI) – частное акционерное общество с ограниченной ответственностью, юридический адрес

Дианой. Документы будут зарегистрированы в налоговой инспекции Вильнев-сюр-Ло по указанию Тилли, который знает, что этот официальный шаг успокоит нас и устраним недоверие.

Адский механизм запущен, и мы втягиваем в происходящее своих детей.

Куда сильнее на тот момент меня беспокоит другое: в девятнадцать лет Амори должен поступить на второй курс коммерческой школы. Но учеба его абсолютно не интересует. Он прогуливает занятия, тусуется с приятелями, дурного влияния которых я боюсь, и курит травку. Мы без конца спорим, наши отношения ухудшаются, подходящие слова для нормального общения подобрать все труднее. Я говорю об этом с Гийомом. В старшем сыне я склонна видеть второго главу семьи. Он более доступен, чем его отец, и время от времени помогает мне принять решение. Гийом беседует с младшим братом наедине, пытаюсь как-то помочь, но безрезультатно. Шарль-Анри и я не знаем, какому святому молиться. Мы обращаемся к профессионалам, но реальной помощи от них не получаем. Гислен, крестная Амори, хочет что-то сделать и выдает готовое решение своего наставника: нужно изолировать Амори от его окружения и отправить в Лондон. Здравый смысл побуждает нас ухватиться за эту идею: OISE организует языковые туры и имеет отличную репутацию. Кстати, Тилли уже зарегистрировал нашего мальчика! Почему я тогда не взяла дело в свои руки, хотя отлично знаю OISE? Офисы этой языковой школы есть в Бордо, а дети моих друзей уже побывали благодаря ей в обучающих турах по Европе. Но сейчас все улажено еще до того, как я узнаю о такой возможности. Амори оказывается в Оксфорде, и мы отправляем Тилли деньги для него.

Таким образом, этот человек получает власть над нашим ребенком и начинает курировать его повседневную жизнь до мелочей. Постепенно ему удастся установить с сыном доверительные отношения. Амори наконец-то нашел собеседника, который говорит на его языке... Настоящего друга...

Итак, Амори остается в семье и берется за учебу. Погружение полное. Вот только когда я спрашиваю телефон и адрес сына, мне отказывают. На вопрос почему мне с апломбом большого начальника заявляют, что по соображениям безопасности и ради блага Амори ему лучше оставаться в изоляции. Мне не сообщают подробностей, но ссылаются на некую смутную опасность, нависшую над нами. Все звучит настолько убедительно, что я в конце концов верю. Затем, когда я остаюсь одна, логика и разум возвращаются ко мне вместе с множеством вопросов: если нам угрожают, почему ничего не делается для нашей защиты? Когда на гражданина нападают, он может обратиться в полицию, к адвокату... Здесь же ничего подобного не происходит. Каждый раз, когда я поднимаю эту тему, у Шарля-Анри находится только одно слово: секретность. Дело слишком запутанное, слишком серьезное, чтобы мы могли говорить о нем вот так небрежно и второпях. Мы еще не знаем, кто в этом замешан. Было бы рискованно прибегать к классическому арсеналу, о котором я говорю. Гислен настаивает: разве я не вижу, что в течение последних двух лет случается одно событие за другим и все они приносят нам тот или иной ущерб? Тилли подробно рассказал ей об этом. Для Тьерри поведение Амори – прекрасная иллюстрация того, что нас ждет: если бы его не отправили в Великобританию, рано или поздно за него бы взялись и споили бы, или еще что-то вроде того. Благодаря ему операция, направленная против Амори и, соответственно, против семьи, сорвана. Но мы должны оставаться начеку. Какая мать не увидит в поставщиках травки и других веществ врага для своих детей? Я должна поостеречься – это следует из семейных разговоров.

Затем, когда я остаюсь одна, логика и разум возвращаются ко мне вместе с множеством вопросов: если нам угрожают, почему ничего не делается

для нашей защиты? Когда на гражданина нападают, он может обратиться в полицию, к адвокату... Здесь же ничего подобного не происходит.

Внешне все выглядит нормально: мы та же благополучная семья, Шарль-Анри продолжает много работать, я и дальше веду свою деятельность. Но на самом деле все не так, как раньше.

Муж, судя по всему, способен жить как ни в чем не бывало, несмотря на угрозу. Я же боюсь за близких, подозреваю, что за мной следят, предпочитаю никуда лишней раз не выходить. Когда мне звонят подруги, стараюсь побыстрее завершить разговор. Потом рассуждаю сама с собой и переживаю. Дочь остается дома, и я не хочу, чтобы она страдала из-за происходящего. Она учится в школе, где я по-прежнему числюсь председателем родительского комитета. Однажды мне предлагают занять место президента общества «Бордо приветствует». Я уже почти даю свое согласие, как вдруг мне звонит Тьерри Тилли. Он убеждает, что сейчас вокруг нашей семьи сложилась слишком небезопасная ситуация, чтобы мне становиться публичной персоной. Поэтому, посоветовавшись с Шарлем-Анри, я отклоняю предложение. У меня складывается впечатление, что каждый раз, как я ускользаю от нависшей угрозы, она тут же надвигается вновь. Поэтому, к изумлению подруг, я отказываюсь от поста президента. Вот так складывалась моя жизнь в тот год – со взлетами и падениями, о которых я никому не рассказывала.

Однако сильнее, чем угроза, на которую мне все время указывают, тревожит мысль о том, что мой муж, его мать, сестра и Филипп вместе с Тилли вынашивают какие-то планы. Причем я чувствую, как меня от всего отстранили, и вижу только результаты их деятельности. Ни одно решение не согласовывается со мной, включая вопросы нашей безопасности, защиты детей и имущества. Мы с Шарлем-Анри почти не обсуждаем серьезных тем. Меня ставят перед фактом, и я вынуждена соглашаться. Не сомневаюсь, что все это исходит от Тилли, но никогда его не вижу и не слышу. Отсутствуя, он угнетает меня, и я опасаюсь его гораздо больше, чем если бы постоянно находилась рядом с ним. Впрочем, на каждой из наших трех встреч передо мной предстал другой человек. Так что у меня не было четкого представления о нем. Очевидным было одно: он мне не нравится.

Меня охватывает опустошенность, грусть, непреодолимое чувство беспомощности. Прежде я поговорила бы об этом с Мари-Элен или сестрой. Доверила бы им свои заботы, мы бы все обсудили, они бы меня поддержали. Но я замыкаюсь в себе, все время отменяю наши обеды по четвергам, все меньше вижусь с подругами. При встрече они замечают перемены в моем поведении, но не просят объяснить, что происходит. Возможно, они думают, что у меня сложности в отношениях, о которых я не хочу распространяться...

Почему я не обращаюсь за помощью? Почему молчу?.. Из-за мужа? Я полностью ему доверяю. Если в рассуждениях Шарля-Анри есть хотя бы толика истины, я никогда не прощу себе, что предала его. Все в нем – его профессионализм, нравственная чистота, честность по отношению ко мне – по-прежнему говорит в его пользу. Как я могла не быть с ним заодно? На мой взгляд, Гислен циклотимик¹⁵, и ей нужно всем управлять; Филипп не любит конфликтов – он легко позволяет матери и сестре доминировать над собой. Но я на сто процентов уверена в Шарле-Анри! Он любит мать и сестру, но знает их слабости и особенно их авторитарность. Напрасно я пытаюсь рассмотреть проблему со всех сторон – мне не удастся быть непредвзятой из-за глубокой привязанности к мужу и детям. Я даже принимаю эти странные и необъяснимые с моей точки зрения отношения, сложившиеся между ним и Тилли. Похоже, Шарлю-Анри посчастливилось найти задушевного друга – то, чего ему так не хватало в жизни. Как я могу лишиться его этого?

¹⁵ Циклотимия – психическое аффективное расстройство, которое характеризуется серьезными колебаниями настроения.

Если бы я знала, что происходит в кабинете Шарля-Анри, то, возможно, избрала бы иную линию поведения. С этого года с личного счета мужа регулярно идут срочные отчисления для Тилли, причем назначения платежей обескураживают: «реорганизация бизнеса», «создание компании по утилизации медицинских отходов», «помощь детям». Что касается сумм, то они варьируются от двух до десяти тысяч евро, иногда больше. По первому зову Тилли Шарль-Анри кидается проводить эти операции: он покидает кабинет, хотя в приемной полно народа, и через весь Бордо мчится в банк, который никак не реагирует на радикальное изменение в поведении своего клиента... Все это совершается без моего ведома.

По первому зову Тилли Шарль-Анри кидается проводить эти операции: он покидает кабинет, хотя в приемной полно народа, и через весь Бордо мчится в банк, который никак не реагирует на радикальное изменение в поведении своего клиента... Все это совершается без моего ведома.

Летом 2001 года мы едем в Мартель. Гислен пребывает в ужасном стрессе. Думаю, причиной тому послужила подготовка к свадьбе ее дочери Гийеметты, запланированной на сентябрь. А затем я случайно узнаю, что в июне Дама Сухарь уволила фактически весь персонал. Ее можно понять. В июле проходит «Музыка в Гиени» – этот фестиваль будет последним. Все идет из рук вон плохо. Гислен вступает в перепалку с дирижером оркестра, которого считает бездарностью. Несчастный отец одного из гостей, страдающий Альцгеймером, позволяет себе расслабиться во время ужина на свежем воздухе, и Гислен устраивает скандал, утверждая, что кто-то пытается сорвать мероприятие. Затем какой-то стажер сообщает о непристойном поступке... Царит всеобщая подозрительность. У моей золовки развивается паранойя, но братья делают вид, что здесь не о чем беспокоиться, а мать оправдывает ее поведение тем, что «она много страдала». Поэтому я, зная в жизни только счастье, и это правда, должна быть с ней терпимой и доброй. Короче говоря, мы все слышим, но не слушаем. Тем не менее слова Гислен постепенно проникают в нас. Промывание мозгов идет полным ходом.

Во время фестиваля общая атмосфера разительно отличается от той, что царила в предыдущие годы. Помимо разногласий между музыкантами и Гислен в самом Мартеле дела идут наперекосяк. Моя сестра и ее муж, мои кузены Бертран и Анна, все постоянные гости мероприятия неприятно удивлены приемом бабушки – теперь она почти не общается с ними или разговаривает резким сварливым тоном.

– Что происходит с твоей свекровью? – спрашивает Бертран, с которым бабушка всегда была мила и приветлива.

– Понятия не имею, но хотела бы узнать! – отвечаю я, раздосадованная витающей в воздухе напряженностью и опечаленная тем, что с моими близкими так плохо обращаются.

Франсуаза утешает меня. Она объясняет происходящее тем, что пожилая дама расстроена предстоящим замужеством внучки. Бабушка всегда воспринимала заботы Гислен как свои собственные. Она видит, что дочь борется с проблемами, в которых плохо разбирается, – такое не может не беспокоить. Даже у Шарля-Анри случается жестокая и чреватая последствиями размолвка с моим свояком Жаном-Мишелем. Всем, что касается организации фестиваля, дистанционно управляет Тилли. Мои кузены, сестра и ее муж уезжают довольно быстро, испытывая чувство неловкости. Я же, узнав об инциденте, спрашиваю Шарля-Анри о причинах его поведения. Он сообщает, что Тьерри просил его действовать таким образом, «чтобы расставить всех по местам». Некоторые здесь нежелательны по причинам, которые он пока не может раскрыть. Моя сестра и ее муж фигурируют в этом списке.

– Франсуаза и ее муж? Самые близкие мне люди? – я проявляю нечто большее, чем скепсис. – В чем их можно упрекнуть?

– Мы знаем далеко не все, – возражает Шарль-Анри.

– Тогда объясни мне.

Но он уходит от ответа:

– Не хочу тебя тревожить. Впрочем, я и сам не полностью в курсе дела.

Пытаясь скрыть раздражение, вызванное этими загадками, я спокойным тоном замечаю:

– До сих пор у нас не было секретов друг от друга. Мне кажется, я достаточно взрослая, чтобы узнавать плохие новости. С тех пор как ты познакомился с Тилли, я вижу, что ты что-то скрываешь от меня.

– Я тебе потом все объясню. Обещаю, – заканчивает разговор Шарль-Анри. – Все уладится.

Он явно говорит это искренне. Большого мне и не надо. Тем не менее мое беспокойство не проходит.

Первого сентября в Бордо и Мартеле состоялась свадьба Гийеметты, дочери Гислен и Жана Маршана. Это была прекрасная церемония: друзья жениха – молодого пианиста из Ниццы – приехали, чтобы поучаствовать в праздничном концерте. При виде того, как невеста под руку с отцом шествует по пышно украшенному нефу церкви Монфланкена, где собрались все наши близкие, кто бы мог подумать, что мы погибающая семья? От церкви до Мартеля молодожены следуют через деревню в карете. Аперитив, коктейль, ужин – торжество продолжается до поздней ночи. Молодежь танцует фарандолу в парке. Бабушка восседает в качестве матриарха, окруженная своими домочадцами. Прекрасный момент! Но это лишь видимость. Список гостей контролировался Тьерри Тилли и Гислен. Некоторым она дала понять, что им не будут рады. В их число попали родители Жана Маршана, с которыми нас просили не общаться, и это еще мягко сказано... Из вежливости я все же стараюсь быть любезной, а вот бабушка с ними даже не здоровается – на следующий день, когда за обедом собирается вся семья и близкие друзья, она вообще предпочитает остаться в маленькой гостиной.

Никаких праздников семьи Ведрин отныне Мартель не увидит. Когда Гислен отбывает в Париж, мы с Шарлем-Анри, прежде чем вернуться в Бордо, остаемся на два дня, чтобы устроить уборку. Бабушка решает побыть здесь еще немного, чтобы насладиться осенью, а Жан уезжает в Борденев.

Однако неделю спустя, 7 сентября, происходит очередная странная вещь, весьма напоминающая события ноября 2000 года. Мы с Филиппом и Шарлем-Анри еще в Мартеле, и тут к нам буквально врывается Гислен, призывая братьев сопроводить ее в Бордо к Жану. Те следуют за ней. На золотке коктейльное платье – странный наряд при данных обстоятельствах. На руках – садовые перчатки. Она сжимает букет засушенных цветов, который, едва переступив порог, бросает в лицо остоленевшему Жану. Затем Гислен истерически заявляет мужу:

– Вот свидетельство твоей сети зла. Я нашла это в нашем саду в Фонтене. У тебя сорок любовниц. Ты чудовище!

Ошеломленный, мой зять более трех часов спорит с женой, не в силах заставить ее выслушать хоть какие-то доводы. Филипп и Шарль-Анри ждут снаружи. По телефону Тилли следит за ходом операции. Внезапно он приказывает обоим братьям прервать беседу и объявляет, как поступить дальше: Жану следует покинуть дом; он успокоится и согласится уехать в Париж. И действительно, в точности, как и предсказывал Тилли, Жан собирает чемодан и садится в машину вместе с шуринами и женой, которые сопровождают его до железнодорожного вокзала в Ажене. Итак, Жан повинуется. Вернувшись в семейный дом в Фонтене, он обнаруживает, что все замки заменены. Копаясь всю ночь в компьютере Гислен, Жан находит электронные письма Тилли, в одном из которых почти дословно описана недавно пережитая ими мизансцена. Он пытается связаться с женой, но та вешает трубку и не желает разговаривать. Обнаружив, что их совместный счет опустошен, не на шутку напуганный Жан решает полностью дистанцироваться от семьи Ведрин и попытаться спасти своих детей, Франсуа и Гийеметту. Ему это не удастся.

Тилли убедил Гислен, что удалить Жана – это единственный способ спасти ее семейную жизнь.

Почему Жан не пришел и не рассказал мне об этом? Что именно произошло в тот день? Отчего он не помог мне вывести на чистую воду манипулятора Тилли, с которым они долгое время тесно общались? Очередной упущенный шанс...

Почему Жан не пришел и не рассказал мне об этом? Что именно произошло в тот день? Отчего он не помог мне вывести на чистую воду манипулятора Тилли, с которым они долгое время тесно общались? Очередной упущенный шанс...

Вместо этого Жан связывается с моей подругой Мари-Элен, которую хорошо знает, и рассказывает ей все с самого начала. Встревоженная, она просит меня о встрече, надеясь выяснить, что происходит. Однако несколько последних месяцев Гислен и ее дети демонизируют Жана, который уже заикался о разводе. Несмотря на мою дружбу с Мари-Элен, это сразу же делает диалог невозможным. Она пытается меня разговорить. Я вешаю трубку с отвратительным ощущением, что сжигаю мосты. Тем же вечером делюсь произошедшим с Шарлем-Анри. Муж хранит невозмутимость, но говорит чрезвычайно серьезно, что необычно для него. Оказывается, ему стали известны ужасные вещи о Жане, он не хочет вдаваться в подробности, чтобы не шокировать меня, но я должна верить ему на слово. Этот человек – подлец. Он недостойн быть мужем Гислен. Шарль-Анри весьма убедителен, и я начинаю колебаться. Тем более что о планах Жана ему рассказали сама Гислен и ее дети. Оказывается, мой зять собирался уехать и начать новую жизнь в США с другой женщиной. Счета всех троих опустошены. Отныне Жан исключен из семьи Ведрин.

Одиннадцатого сентября два самолета, управляемые террористами, врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Гийом, работавший в Штатах, купил билет на 12 сентября, но вынужденно отложил отъезд. Разумеется, мы обсуждаем это событие. Нет, он ни в коем случае не мог бы оказаться в одном из тех самолетов, поскольку бронь его билета... но Тьерри знал, что назревают серьезные события. Поэтому все убеждены: именно он порекомендовал Гийому уехать двенадцатого числа!

Потянулись осенние дни. Диана вернулась к учебе, Амори уехал в Оксфорд, Гийом – в Соединенные Штаты. Теперь днем в доме пусто. По совету Гислен моя свекровь решила в этом году подольше остаться в Мартеле, который просто обожает. Она любит сезон сбора винограда, от октябрьской прохлады в сельской местности ей становится лучше. В конце ноября она все еще там.

Шарль-Анри предлагает мне присоединиться к ней. Я не вижу для этого причин, у меня нет никакого желания оставлять его и бросать Диану, которая каждый день ходит в среднюю школу. Не могу себе представить, как они будут без меня. Но муж настаивает. Я отказываюсь тем более решительно, что чувствую влияние Тилли. Тогда мне исполняют старую песню об опасности, нависшей над семьей, об угрозе Мартелю. И тогда Диана, которая в свои шестнадцать лет, похоже, начинает обретать некоторую независимость, живя в уютной домашней обстановке, встает на сторону отца. Она вполне справится сама, в то время как бабушка в свои восемьдесят восемь не должна оставаться одна. С другой стороны: почему же бабушка не хочет возвращаться в Бордо, где она будет окружена заботой? Секрет. Ей хочется пожить в Мартеле, где, по ее словам, она чувствует себя в безопасности. Как обычно, я пытаюсь сражаться, но затем сдаюсь и 2 декабря прибываю в Монфланкен. На мой взгляд, все просто: я составлю компанию свекрови до Рождества, а после праздников мы вернемся в Бордо.

На следующий день я звоню сестре поздравить ее с днем рождения, и та сообщает, что продает свой дом в Ло-и-Гаронне. Зачем?

– Знаешь, мы будем видеться с Ведринами все реже и реже. Так какой смысл держать дом так близко к Мартелю?

Я потрясена новостью и печалью, которую слышу в ее голосе. Франсуаза убеждена, что нас втянули в ссору наших мужей во время музыкального фестиваля. Но она не лишает меня своей привязанности. Я не пытаюсь ее разубедить и ничего не рассказываю о своих проблемах. Постепенно яд, введенный Тилли под кожу семьи Ведрин, заражает и меня. А вдруг сестра входит в число моих врагов?

Быстро летят недели, отделяющие нас от Рождества. Свекровь, обрадованная тем, что ей больше не придется сидеть одной, мечтает устроить великолепное торжество. Она находит во мне прилежную помощницу: мы обе любим праздники. Внушительные размеры дома в Мартеле с его просторной гостиной – там достаточно места для большой ели, – с его монументальным камином и огромным дубовым столом в столовой, за которым прошло столько веселых семейных посиделок, прекрасно отвечают этой цели. Дни мелькают в приятных хлопотах: выбрать и доставить подарки, купить рождественские украшения, установить и украсить елку, заказать блюда, проверить, есть ли в погребе подходящее вино, пополнить его запасы. Я часами брожу по лесу, собираю омелу и хворост. Регулярно звоню Диане и Шарлю-Анри, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Когда жизнь внезапно возвращается в нормальное русло, минувшие события стираются из памяти; кажется, что я выбираюсь из кошмара и теперь все снова пойдет своим чередом. Мне удастся убедить себя: даже если мы потеряли деньги (я беспокоюсь из-за непонятных финансовых операций Тилли), то мы остаемся едиными, и это гораздо важнее. По этой причине я с головой ухожу в подготовку к Рождеству, что бесконечно радует свекровь. Наши с ней отношения окончательно налаживаются, у нас все чудесно. По вечерам она вспоминает прошлое, рассказывает мне истории о том времени, когда ее дети были маленькими, о возвращении мужа с войны, о летних каникулах в Мартеле... в этот сочельник между нами двумя царит идиллия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.